

ХУДОЖЕСТ. БИБЛИОТЕКА.

Отд.

Инв. №:

№

1160

СОВЕТ. РАЙОН МУЗЕЯ
КУСКСТВА И СТАРИНЫ.

K 9(4)I
KA 79
26. с. Сирдашевъ.

KX 9
D. J.

РАЗВАЛИНЫ БОЛГАРЪ
и
ДРЕВНІЕ БОЛГАРЫ

ПО ОПИСАНИЮ АНГЛИЧАНИНА

Э. П. Түрнерелли.

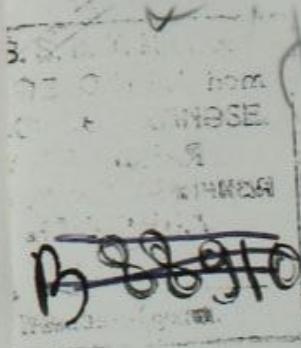
Съ 5 снимками съ Болгарскихъ развалинъ.

Приложение къ журналу "Маятель" за 1901 годъ.

Цѣна 50 коп.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Импераціорскаго Университета.
1901.

А. А. Ардашевъ.

~~РЕНДАЦИЯ~~
РЕНДАЦИЯ

РАЗВАЛИНЫ БОЛГАРЪ
И
ДРЕВНИЕ БОЛГАРЫ

ПО ОПИСАНИЮ АНГЛИЧАНИНА

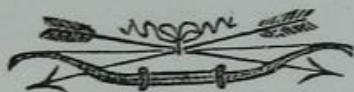
Э. П. Турнерелли.

15993-87

Съ 5 снимками съ Болгарскихъ развалинъ.

—+—+—+—

Приложение къ журналу „Дѣятель“ за 1901 годъ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Дозволено цензурою. Казань, 8 мая 1901 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Представляемая при семъ вниманію читателей статья „the Ruins of Bolgary, and the ancient Bulgars“, была помѣщена на страницахъ 196—261 II-го тома книги „Russia on the borders of Asia. Kazan. London, 1854“, написанной англичаниномъ Edward Tracy Turnerelli, извѣстнымъ по-русски подъ именемъ „Эдуардъ Петровичъ Турнерелли“ и 7 лѣтъ прожившимъ въ Казани.

Э. П. Турнерелли родился въ 1813 году, по вѣроисповѣданію былъ католикъ, родомъ—изъ Лондона. Образованіе получилъ на родинѣ, въ коллегіи Карла въ Ирландіи. Прибывъ въ Россію, онъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ выдержалъ испытаніе на званіе домашняго учителя англійскаго и латинскаго языковъ, въ чёмъ и выдано было ему свидѣтельство, помѣченное словами: „дано 6 ноября 1836 года“. Черезъ вѣсмько мѣсяцевъ послѣ того, именно 1 августа 1837 года, Э. П. Турнерелли опредѣленъ былъ въ Казанскій Университетъ лекторомъ англійскаго языка; вмѣстѣ съ этимъ ему было поручено преподаваніе сего языка, съ того-же времени, и въ I Казанской Гимназіи. Въ бытность у насъ въ Казани на службѣ Э. П. Турнерелли получилъ чинъ титулярнаго совѣтника (со старшинствомъ въ чинѣ съ 1 августа 1841 года). Въ 1844 году онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и 13 сентября с. г. былъ уволенъ. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ вынужденъ покинуть Казань благодаря возстановленію противъ него Казанскаго общества какою-то книгою о Казани и ея обывателяхъ, въ которой казанцы нашли про себя не особенно лестные отзывы. Представляемъ историкамъ решить точнѣе, какая именно книга Э. П. Турнерелли о Казани понудила его уѣхать отсюда, ибо извѣстное намъ сочиненіе его о Казани, писанное по-англійски, вышло де-

сятью годами позже выхода въ отставку, а не раньше. Э. П. Турнерелли послѣ оставленія Казани нѣсколько лѣтъ (2—3 года) преподавалъ англійскій языкъ въ С.-Петербургскомъ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, и затѣмъ исчезъ изъ виду.¹⁾ На память о себѣ потомству онъ кромѣ 2 томовъ вышеназванного сочиненія, украшенного 2 видами „Fortress of Kazan“ и „Tower of Sun-Beka. Kazan“, оставилъ альбомъ видовъ Казани, сдѣланныхъ съ натуры и печатанныхъ литографіей *in folio*, съ заглавнымъ листомъ въ 2 тона въ русскомъ стилѣ (London, 1839). Снимки съ Казани, исполненные Э. П. Турнерелли, имѣются въ настоящее время у Казанского историка Н. Я. Агаѳонова, въ Университетскомъ Музѣи Изящныхъ Искусствъ и у германскихъ и русскихъ антикваріевъ, напр. у К. В. Гирземанна въ Лейпцигѣ и В. И. Клочкива въ С.-Петербургѣ (катал. № 286, подъ № 624).

Ред.

¹⁾ Біографію Э. П. Турнерелли изъ Университетскаго архива извлекъ и любезно сообщилъ Алексѣй Ивановичъ Михайловскій, которому за то и свидѣтельствуется отъ редакціи горячая благодарность.

I. Великий городъ.

Въ Казанской губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Волги въ шести миляхъ отъ ея величественаго теченія находятся развалины города, нѣкогда столицы богатаго и могущественнаго царства, которое неисповѣдимымъ опредѣленіемъ Провидѣнія было сметено съ лица земли, оставляющей скучный слѣдъ въ свидѣтельство ихъ существованія, въ видѣ грубыхъ каменныхъ остатковъ, которые поднимаются на сценѣ ихъ разрушенія и которые, кажется, сохранены временемъ, чтобы служить предостереженіемъ и урокомъ другимъ народамъ, въ блескѣ своего процвѣтанія мало помышляющимъ о томъ, насколько близка, можетъ быть, гибель, которая въ состояніи превратить и ихъ въ прахъ развалинъ и забвенія.

Развалины, о которыхъ мы говоримъ,—Болгары, столица нѣкогда славной націи, именовавшейся Болгарами, столица, которая, мы убѣждены, во время своего блестящаго существованія могла равняться древнимъ Пальмирѣ, Троѣ, Карѳагену, Тиру и другимъ гордымъ городамъ, раздѣлившимъ подобную-же участъ и не оставившимъ послѣ себя слѣда. Города, народъ, власть, богатство все уничтожено, все исчезло.

Подобно исторіи другихъ многочисленныхъ азіатскихъ націй, разлившихся потокомъ по Европѣ въ средніе вѣка, исторія и этого народа скрыта въ глубочайшей тьмѣ и то малое обѣ его судьбы мы знаемъ болѣе по догадкамъ, чѣмъ по достовѣрнымъ докumentамъ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ имѣется единственное упоминаніе о Болграхъ: въ нихъ говорится о жестокой борьбѣ, въ которой безпрестанно находились эти два народа; тамъ нѣть ни малѣйшаго указанія ни на одежду, нравы или языки, ни на общественную организацію Болгаръ. Татарскія хроники еще болѣе бесплодны въ этомъ отношеніи, чѣмъ Русскія, и то немногое, о чёмъ они говорятъ, такъ перемѣшано съ баснями и вымысломъ, что къ содержанію ихъ совсѣмъ нельзя относиться съ довѣріемъ. Только изъ сочиненій немногихъ древнихъ Арабскихъ путешественниковъ, посѣвшихъ Болгары, мы имѣемъ возможность получить скучныя, но все-таки надежныя свѣдѣнія относительно этого народа, богатство и образъ жизни котораго такъ сильно приводили въ удивленіе и восхищеніе путешественниковъ. Этимъ-же самымъ писателямъ и еще тому, что мы нашли въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ заглавiemъ „о великомъ городѣ“ и въ русскихъ „о славномъ городѣ“, мы обязаны немногими свѣдѣніями обѣ этой древней столицѣ, размѣръ и значеніе которой можно видѣть изъ того факта, что она въ своихъ предѣлахъ въ periodъ паденія заключала свыше десяти тысячъ зданій.

Очевидно, что Болгары вначалѣ были кочевымъ племенемъ. Когда они оставили кочевой образъ жизни и перешли къ постройкѣ городовъ и жилищъ—достовѣрно опредѣлено быть не можетъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что столица ихъ могла гордиться значительной древностью. Магометъ Омаръ, жившій въ концѣ восьмого вѣка, сообщаетъ намъ, что Болгары даже и въ то время представляли цвѣтущій видъ. Кто-же былъ ихъ основателемъ? Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается безъ отвѣта. Правда, татарскія хроники приписываютъ основаніе ихъ Касиръ-Шаху самаркандскому; но басни и анахронизмы, которыми онъ переполнены, не даютъ возможности сдѣлать какое либо правильное заключеніе изъ ихъ содержанія. Манера, какою онъ описываетъ основаніе этого города, даетъ читателю нѣкоторое представление объ ихъ характерѣ. „Городъ Булгары“, сообщаютъ намъ эти замѣтки, „былъ построенъ самаркандскимъ шахомъ Касиромъ, жившимъ девяносто лѣтъ въ вѣрѣ Христовой. Послѣ себя онъ оставилъ сына Сократа-Мудреца, получившаго начальство надъ ордою Юнанъ (Греціи); онъ вмѣстѣ съ Искандеромъ Румелиемъ ¹⁾ взялъ жену изъ среды Болгаръ. Оба они прожили около десяти мѣсяцевъ въ Болгарахъ, потомъ вмѣстѣ съ женами отправились въ страну Далмацию. Мудрецъ Сократъ, умерши, оставилъ послѣ себя сына, имя котораго неизвѣстно“.

Первое извѣстіе относительно города Болгаръ, на которое мы можемъ хотя сколько-нибудь положиться, получается изъ сочиненія Ибнъ-Фадлана, посланного туда халифомъ Багдадскимъ въ десятомъ вѣкѣ ²⁾. Онъ оставилъ много интересныхъ замѣтокъ объ обычаяхъ и образѣ жизни этого народа; на нихъ отсѣль мы будемъ ссылаться. Отъ него-же мы узнаемъ, что городъ Болгары достигъ такой степени процвѣтанія и роскоши, что они невольно поразили его самого и его спутниковъ.

Въ позднѣйшее время отъ Захаріи бенъ Магомета, по прозвищу Казвини ³⁾, мы узнаемъ, что „городъ Болгаръ пріобрѣлъ обширную славу отчасти потому, что онъ былъ столицею могущественного царства, отчасти потому, что въ этомъ городѣ безчисленные барки, приходившія сюда съ цѣлью торговли, бросали якорь“.

¹⁾ Искандеръ Румели **اسکندر روم ایلی** именемъ котораго татары всегда украшаютъ исторію Болгаръ, есть ни кто иной, какъ Александръ Македонскій.

²⁾ **احمد ابن فضلان** **احمد بن فضلان** былъ посланъ въ 921 году въ Болгары аббасидскимъ халифомъ Аль-Муктадиромъ Билля, царствовавшимъ въ 908—932 г. г. Прим. ред.

³⁾ Космографъ **زکریا بن محمد الفزوینی** **زکریا بن محمد الفزوینی** умеръ 1283 года, былъ судью въ гор. Хиллэ на Ефратѣ. Прим. ред.

Ибнъ-Хаукаль, писатель десятаго вѣка¹⁾, описывая Болгары, говоритъ: „это обширнѣйшій городъ, богатства котораго я не буду описывать, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ обманѣ“. Эти слова Ибнъ-Хаукаля показываютъ, насколько роскошь и богатство пре-восходили ожиданія арабскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ городъ.

Абдуллахъ Якути, писатель 13-го вѣка²⁾, описываетъ городъ Болгаръ въ слѣдующемъ видѣ: „Городъ этотъ, говоритъ онъ, построенъ изъ сосны, стѣны и укрѣпленія его изъ дуба; онъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ Турками³⁾. Разстояніе между этимъ городомъ и Константинополемъ опредѣляется въ два мѣсяца пути. Болгары были заняты продолжительной войной съ Константино-полемъ. День тамъ длится только 4 часа⁴⁾, остальные двадцать составляютъ ночь. Страна эта очень холодна. Въ продолженіе длинной зимы земля покрывается глубокимъ снѣгомъ. Говорятъ, что племя это ведетъ свое начало отъ потомства тѣхъ, которые вѣрили въ пророчество Гуда⁵⁾ и удалились на сѣверъ, гдѣ и основали свое мѣстопребываніе. Въ землѣ найдены зубы, сходные со слоновыми: они также бѣлы, какъ слоновая кость“.

Другой арабскій писатель, Ибнъ Батута⁶⁾, путешествіе кото-раго чрезъ Татарію, происходившее въ 1324—5 годахъ, переве-дено Самуиломъ Ли (Lees) и издано Восточной Переводческой Ком-миссіей, упоминаетъ о Болгарахъ такъ: „Я прежде много разъ слыхалъ о городѣ Булгаръ и у меня явилось желаніе видѣть его и провѣрить, правда или нѣтъ то, что разсказывалось о поразительной

أبو القاسم محمد ابن حوقل¹⁾ путешествовалъ между 943 и 973 го-дами по Испаніи, Кавказу, Сициліи и Волгѣ. Прим. ред.

شہاب الدین ابو عبد الله یاقوت الحموی²⁾ жилъ въ 1184—1229 г. г., извѣстенъ своимъ «географическимъ словаремъ странъ». Прим. ред.

³⁾ Слово «турокъ» у арабовъ также неопределенно, какъ «скиѳъ» у грековъ; оно безъ различія прилагалось къ татарамъ, черемисамъ, мордвѣ и др. племенамъ.

⁴⁾ Ибнъ-Хаукаль также говоритъ объ этомъ фактѣ. Онъ говоритъ, что день въ Болгарахъ зимою такъ непродолжителенъ, что его съ трудомъ достаетъ на прочтеніе четырехъ обычныхъ молитвъ и на выполненіе обрядовъ, ихъ сопровож-дающихъ. Эти повѣствованія менѣе преувеличиваются, чѣмъ можно бы было ожи-даться, такъ какъ авторъ самъ можетъ засвидѣтельствовать, что часто зимою въ 9 часовъ утра въ этой странѣ дневной свѣтъ слишкомъ слабъ, а въ три пополудни жители уже обыкновенно пользуются свѣтомъ свѣчей.

⁵⁾ Пророкъ **هود** упоминается въ коранѣ, главахъ VII и XI. Прим. ред.

ابو عبد الله محمد ابن بطوطه⁶⁾ жилъ въ 1304—1377 г. г. путе-шествовалъ по Египту, Сиріи, Персіи, Аравіи, З. Ордѣ, Хивѣ, Бухарѣ, Китаю и др. странамъ; род. въ Танжерѣ. Прим. ред.

краткости его ночей и дней въ противоположное время года. Въ виду того, что разстояніе между этимъ городомъ и станомъ султана (хана) было на десять дней (пути), я попросилъ султана назначить кого-нибудь, кто-бы могъ сопровождать меня туда и обратно, чтò онъ и исполнилъ. Я оставался въ Болгарахъ три дня, а затѣмъ возвратился къ хану¹. Не удивительно-ли, что Ибнъ-Батута не сдѣлалъ болѣе подробного упоминанія о Болгарахъ, чѣмъ то, которое мы привели?

Исмаилъ Абуль-Феда¹), царствующій ханъ Гамы, родившійся въ 1273 году въ Дамаскѣ и умершій въ Гамѣ въ 1331 году говоритьъ, что Бюляръ, называемый у Арабовъ Болгарами, есть городъ, расположенный въ самой отдаленной, годной для обитанія странѣ сѣвера, вблизи рѣки Атель²), на томъ-же самомъ берегу, гдѣ и Сарай. Разстояніе между этими двумя городами требуетъ двадцатидневнаго путешествія. Бюляръ, продолжаетъ онъ, расположень на равнинѣ; тамъ находятся прекрасныя бани, но нѣтъ никакихъ фруктовъ, такъ какъ деревья ихъ вслѣдствіе невыносимаго холода рости не могутъ, въ особенности-же виноградъ. Народонаселеніе принадлежитъ къ магометанской вѣрѣ ханифитскаго исповѣданія³.

Таково чрезвычайно-краткое сообщеніе, которое древніе писатели оставили намъ относительно города Болгаръ. Какъ оно ни кратко, но все же цѣнно, такъ какъ это есть все, что мы имѣемъ, — по крайней мѣрѣ — это все, что до сихъ поръ извлечено изъ мрака, скрывающаго исторію этого города и народа, которому онъ принадлежалъ. Многое, что должно быть открыто, остается до сихъ поръ подъ мракомъ сомнѣнія; есть всетаки надежда, что не далекъ уже день, когда этотъ предметъ основательно и надлежащимъ образомъ будетъ изслѣдованъ археологами, способными къ подобной работе.

До сего времени изслѣдованія ученыхъ были рѣдки и неудовлетворительны. Все то, что въ послѣднее время написано относительно Болгаръ, ограничивается поверхностнымъ замѣчаніемъ туриста, сухой замѣткой географа, ученымъ разсужденіемъ востоко-

¹ الملك المويد عماد الدين اسماعيل بن الملك الأفضل (Географъ известенъ «описаніемъ странъ» и «всеобщей исторіей» (до 1330 г.). Прим. ред.)

² — اتل (Рѣка Волга называлась тогда арабами и другими восточными путешественниками, бывавшими здѣсь, «Атель» или «Итель». Слово это по-татарски означаетъ «собака», каковое название, предполагаютъ, она получила за быстроту своего теченія).

вѣда. Немногіе, очень немногіе даже изъ тѣхъ, чья жизнь проходитъ на землѣ, нѣкогда принадлежавшей древнимъ Болгарамъ, охотно рѣшатся, если можно такъ выразиться, оставить избитыя и производительныя дорожки популярной науки и скитаться по печальной и мрачной пустынѣ, которая представляетъ могилу истребленной націи, гдѣ препятствія и затрудненія встрѣчаются предъ отважнымъ изслѣдователемъ на каждомъ шагу, когда онъ проклидаетъ свой одинокій путь при окружающей его тьмѣ. Что-же касается европейскихъ путешественниковъ, легко понять, почему эти интересныя развалины оставлены почти безъ упоминанія, такъ какъ изъ нихъ очень немного такихъ, которые-бы при посѣщеніи Россіи продолжили свое путешествіе далѣе Петербурга или, самое большое, Москвы. Скудость матеріаловъ, имѣющихся для составленія настоящей главы, немалое затрудненіе представляла и автору, и онъ едва-ли быль-бы въ состояніи представить ее въ настоящемъ видѣ, если-бы не имѣль счастливой случайности лично быть знакомымъ съ двумя или тремя учеными жителями Казани, которые въ настоящее время посвятили свои изслѣдованія этому предмету. Появленіе очерка, частью, было слѣдствіемъ ихъ цѣнной помощи, частью явилось результатомъ личныхъ изысканій автора изъ разсѣянныхъ и неясныхъ источниковъ, драгоцѣнныя матеріалы которыхъ обогатили историческій очеркъ этого народа, представляющій добавленіе и продолженіе настоящей главы, гдѣ авторъ намѣревается дать своимъ англійскимъ читателямъ описание развалинъ этого, нѣкогда извѣстнаго города, какими онъ нашелъ ихъ во время своего посѣщенія. Какъ это случается почти съ каждымъ памятникомъ древности въ Россіи, развалины эти мало извѣстны и кажется служать предметомъ пренебреженія у всѣхъ, исключая Татаръ, которые одни приходятъ сюда во множествѣ для совершенія молитвъ на этомъ мѣстѣ разрушенія; не смотря на это древности болгарскія заслуживаютъ особеннаго вниманія за воспоминанія, соединяющіяся съ ними, и за древность, опредѣляемую свыше тысячи лѣтъ.

Было-бы еще очень хорошо, если-бы любитель древностей, посѣщающій Болгари, не имѣль горькой необходимости сожалѣть ни о чёмъ, кромѣ нахожденія этихъ развалинъ въ небреженіи и забвеніи. Но ахъ! холодную, гнѣвную дрожь испытаетъ онъ, когда узнаетъ, какъ дѣятельна безжалостная рука разрушенія и хищенія въ отношеніи къ этимъ почтеннымъ остаткамъ. Во время посѣщенія Болгаръ Петромъ Великимъ въ 1722 году на мѣстѣ этой разрушенной столицы находилось болѣе семидесяти внушительныхъ зданій, сохранившихся въ довольно сносномъ видѣ. Въ 1768 году другой русскій правитель, Императрица Екатерина II, посѣтила это мѣсто въ сопровожденіи трехъ извѣстныхъ академиковъ Петра

С. Палласа, Ивана Лепехина и Николая Озерецковского. Послѣдній, въ изданномъ имъ потомъ отчетѣ о путешествіи, передаетъ, что онъ нашелъ на этихъ равнинахъ не болѣе сорока четырехъ развалинъ, которымъ онъ даетъ только названія и измѣреніе безъ описанія ихъ формы и вида. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ 46 лѣтъ, двадцать шесть построекъ исчезли. Теперь, прискорбно говорить, тамъ остается только шесть; остальное все свободно разрушаютъ грубые крестьяне сосѣднихъ селеній, которые всякий разъ, какъ у нихъ является нужда въ камняхъ для постройки ихъ жилищъ или надворныхъ строеній, не смущаясь разрушаютъ мечети, дворцы и минареты Болгаръ, крѣпкій цементъ которыхъ сдѣлалъ ихъ способными устоять въ продолженіи десяти предыдущихъ вѣковъ и тысячи „сибирскихъ“ зимъ, какъ будто для того только, чтобы онѣ сдѣлались добычей этихъ грубыхъ хищниковъ¹⁾)

Далекій отъ раздѣленія равнодушія, съ которымъ обычно обозрѣвались эти почтенные памятники истребленной націи, авторъ этихъ очерковъ по пріѣздѣ въ Казань съ искреннимъ удовольствіемъ узналъ объ ихъ существованіи, которое обѣщало доставить ему такое рѣдкое удовольствіе, настолько соединенное съ меланхолическими, пріятными ощущеніями,—„это“, какъ называетъ Байронъ, „магическое очарованіе, какое производить на зрителя созерцаніе разрушенаго зданія, для котораго минувшее и его печальные слѣды служатъ предметомъ уваженія“. Подъ вліяніемъ этого чувства, которое несомнѣнно пойметъ всякий разумный читатель, авторъ рѣшилъ специально посѣтить и временно побывать среди развалинъ, отстоящихъ отъ Казани въ 150 верстахъ²⁾). Желая въ тоже время лучше ознакомиться съ особеннымъ характеромъ и видами рѣки Волги въ этой губерніи, онъ рѣшилъ путешествовать водою, не смотря на затрудненія, препятствовавшія осуществленію проекта. Поэтому, нанявъ маленькую крытую лодку, называемую „досчаникъ“, въ благопріятное время, обѣщавшее постоянную погоду, онъ помѣстился въ это непрочное, грубо сдѣланное судно, ожидавшее его на рѣкѣ Казанкѣ у подножія крѣпости. Лодка, благодаря внимательной заботѣ русскаго слуги єеофана, взятаго на время путешествія въ качествѣ повара, тѣлохранителя и камердинера, была въ изобиліи снабжена разнообразными предметами роскоши (между которыми слѣдуетъ упомянуть матрацъ и самоваръ—

¹⁾ Для сохраненія этихъ большихъ развалинъ отъ хищенія и разрушенія Общество Археологии, Истории и Этнографіи держитъ нынѣ въ селѣ Болгараѣ-Успенскомъ особаго человѣка (Филиппа єедотова. Мордвишина) и ежегодно коммандируетъ туда для ревизіи своихъ членовъ. Прим. Ред.

²⁾ Теперь отъ Болгаръ до Казани считается около 120 версгъ. Прим. ред.

двѣ необходимѣйшія вещи для путешественника по Россіи и сушей, и водой), нагружена достаточнымъ запасомъ материаловъ для пищи, желать которой никогда не перестаетъ наше тѣло благодаря нашей несчастной организаціи, даже и въ томъ случаѣ, когда мысль бываетъ чрезвычайно занята умственной пищей. Три дня были проведены весьма пріятнымъ образомъ въ продолженіе этого путешествія, которое представляло много поразительныхъ картинъ, настолько обратившихъ вниманіе путешественника, что онъ считаетъ излишнимъ оправдывать слѣдующее краткое отступленіе отъ непосредственного предмета настоящей главы.

II. Путешествіе по Волгѣ.

Берега рѣки Казанки низки и непривлекательны; воды ея протекаютъ между болотистыми лугами и обширными хвойными лѣсами. По временамъ на нихъ появляются монастырь или селеніе: между двумя послѣдними лодка автора проходила спустя около часа послѣ того, какъ онъ оставилъ пристань у подножія Казанского Кремля. Первое селеніе носить название „Ягодной Слободы“ очевидно потому, что эта мѣстность прежде изобиловала ягодами; въ ней теперь много большихъ прекрасно-построенныхъ зданій, принадлежащихъ богатымъ купцамъ, и много обширныхъ кожевенныхъ заводовъ. Второе называется „Адмиралтейской Слободой“ по причинѣ существованія адмиралтейства, основанного здѣсь Петромъ Великимъ; Монархъ этотъ считалъ это мѣсто особенно удобнымъ, въ виду большой легкости, какую оно представляло для полученія дуба, желѣза, якорей и другихъ материаловъ, а также вслѣдствіе ежегодного разлива Волги, который давалъ возможность построеннымъ здѣсь кораблямъ спускаться внизъ по Волгѣ, въ Каспійское море. Петръ Великій провелъ здѣсь много дней, составляя проекты и давая устные указанія для сооруженія учрежденія. Адмиралтейство это потомъ было переведено въ Астрахань, но много первоначальныхъ построекъ остается тутъ до-нынѣ. Въ одной изъ нихъ почтительно хранится лодка, называемая „Галера Тверь“, въ которой Императрица Екатерина II совершила свое путешествіе по Волгѣ до Казани и которая чуть-было не погибла вмѣстѣ съ своими знаменитыми пассажирами во время страшной бури на этой рѣкѣ¹⁾). Въ суднѣ болѣе двадцати комнатъ изящно обставленныхъ;

¹⁾ О путешествіи Императрицы Екатерины II по Волгѣ, въ предѣлахъ Казан. губ., также и въ Болгары, смотри на стр. 196—202 книги М. Н. Пинегина «Казань. СПБ.» Прим. ред.

снаружи она окрашена въ зеленый цвѣтъ и украшена разнообразными фигурами и позолоченными орнаментами.

Немного дальше, направо стоитъ огромный пороховой заводъ, основанный здѣсь русскимъ Правительствомъ; къ нему приписана деревня, населенная преимущественно семьями солдатъ, работающихъ на заводѣ, который даетъ занятія болѣе, чѣмъ тысячѣ человѣкъ.

Ничего заслуживающаго особеннаго вниманія не привлекло автора, пока онъ не достигъ устья Казанки, гдѣ воды ея сливаются съ Волгой. Здѣсь, немного лѣвѣе (устья) огромное количество баржей, судовъ и лодокъ остановило его вниманіе, и толпа народа, дѣятельно занятаго нагрузкой и выгрузкой различныхъ товаровъ, ясно показали ему, насколько жива и въ то-же время обширна торговля Казани. Мѣсто это называется „Бакалдой“ и служить главнымъ портомъ казанской торговли.

Проведя немного времени среди этой толпы въ разсмотриваніи различныхъ барокъ, изъ которыхъ многія были построены и раскрашены самыи затѣйливымъ образомъ, авторъ возобновилъ свое одинокое путешествіе, теперь уже по Волгѣ и скоро достигъ противоположной высокой холмистой горы—„Услонъ“, на которой расположень одинъ изъ живописнѣйшихъ поселковъ Казанской губерніи, обладаніемъ коего она можетъ вполнѣ гордиться. Селеніе это, носящее то-же самое название, какъ и гора, имѣетъ около 400 домовъ и раздѣляется на отдѣльныя двѣ части: Верхній и Нижній Услонъ. Нижній исключительно почти заселенъ членами секты, называемой „Раскольники“.

Было время, когда члены этой секты были предметомъ сурогаваго и очень жестокаго преслѣдованія; но ихъ терпѣніе и твердость побѣдили русское начальство и въ настоящее время, благодаря болѣе мягкимъ отношеніямъ правительства, имъ дано право жить спокойно, и возносить молитвы къ Всевышнему такимъ способомъ, какой имъ болѣе угоденъ. Немного лѣтъ тому назадъ архіепископъ Филаретъ, теперь митрополитъ Киевскій¹⁾, посѣтилъ это селеніе, собирая раскольниковъ и дѣлалъ новое усиление склонить ихъ въ лоно Русской церкви. Попытка оказалась тщетной, какъ и предыдущія, и Филаретъ уѣхалъ, не обративъ ни одного члена этой упорной секты. Въ ночь слѣдующую за его отѣздомъ произошелъ сильный пожаръ въ этомъ селеніи, почти истребившій его совер-

¹⁾ Жилъ въ 1778—1857 г. г., прославился также обращеніемъ въ православіе и разныхъ инородцевъ. Подробнѣе объ немъ смотр. на стр. 19—21 книги Н. К. Горталова «Біографич. свѣдѣнія объ іерархахъ Казан. епархіи». Каз. 1885—1887». Прим. ред.

шенно. Русское духовенство старалось считать это судомъ Неба и смотрѣло на это, какъ на кару, устрашающую раскольниковъ. Послѣдніе же были противоположнаго мнѣнія и, тихо и спокойно взявши за работу, вновь соорудили селеніе, которое чрезъ нѣсколько недѣль представляло болѣе уютный и привлекательный видъ, чѣмъ какой оно имѣло прежде.

Гора, на которой расположено это селеніе, при взглядѣ на нее съ противоположнаго берега Волги, представляетъ грандиозный, величественный видъ. На вершинѣ ея поднимаются разноцвѣтныя колокольни и купола церквей селенія; у подошвы ея виднѣются деревянныя строенія Нижняго Услона. Это та самая гора, о которой такъ часто упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ древніе арабскіе путешественники и о которой князь Курбскій писалъ: „она такъ высока, что съ трудомъ можетъ быть измѣрена простымъ глазомъ“. Эта-то гора, какъ самая высокая въ томъ хребтѣ, къ которому принадлежитъ, была также пунктомъ, который географы избирали прежде раздѣльной точкой между Европой и Азией и который, слѣдовательно, относилъ Казань къ послѣднему дѣленію земного шара.

Въ высшей степени интереснымъ предметомъ, находящимся на этой горѣ, служитъ могила несчастной княгини Меньшиковой, супруги знаменитаго ministra и друга Петра Великаго, жизнь котораго представляетъ такой разительный примѣръ капризовъ фортуны. Онъ происходилъ изъ низшаго сословія; занятіемъ его юности была разносная продажа пирожковъ на улицахъ Москвы. Петръ часто встрѣчался съ нимъ на улицахъ и былъ настолько пораженъ быстротой и остроумiemъ его отвѣтовъ на задаваемые имъ вопросы, что взялъ его къ себѣ на службу, гдѣ таланты выдвинули его скоро на такую ступень чести, какой никто прежде не достигалъ. Его вліяніе было такъ обширно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему дано было право замѣнять Царя и давать аудіенціи посланникамъ, въ то время какъ Петръ появлялся рядомъ съ нимъ, какъ частный человѣкъ. Словомъ, онъ пріобрѣлъ такую власть надъ умомъ своего повелителя, что народъ русскій объяснялъ его вліяніе даже результатомъ колдовства.

По смерти Императора Петра Екатерина I, обязанная своимъ восшествіемъ на престолъ стараніямъ Меньшикова, засвидѣтельствовала ему свою признательность передачею бразды правленія въ его руки и позволеніемъ управлять ея именемъ. Предъ своею смертью она наградила его помолвкой-дочери его, Меньшикова, съ ея наследникомъ — Петромъ Вторымъ.

Теперь картина внезапно измѣнилась. Дитя фортуны съ высочайшей степени могущества, какимъ до сихъ поръ оно пользовалось, пизвергается въ самое униженное состояніе. Вскорѣ послѣ

этого, его лишенного чина и званія, мы находимъ въ глубокомъ горѣ переѣзжающимъ въ сурое время года мрачные лѣса Россіи, на пути въ Сибирь, куда онъ былъ сосланъ. Ему сопутствовала вмѣстѣ съ дѣтьми его вѣрная супруга. Не будучи въ состояніи перенести скорбь разлуки съ тѣмъ, кого она такъ горячо любила, эта преданная жена рѣшилась сопровождать мужа до г. Якутска, отстоящаго въ 6000 верстахъ отъ русской столицы¹⁾). Ея дѣвическое имя было Наталья Арсеньева. Отрасль благороднаго рода и замѣчательная своей необыкновенной красотой, добротой и благородствомъ, она снискала расположение даже тѣхъ царедворцевъ, которые завидовали и ненавидѣли ея супруга. За благородную преданность русскіе до сихъ поръ воздаютъ ея памяти благоговѣйное почтеніе. Однако трудность утомительнаго путешествія оказалась выше силъ ея нѣжнаго организма; напрасно она старалась перенести и скрыть свои болѣзни: она окончательно ослабѣла въ Услонѣ и здѣсь умерла на рукахъ своего мужа. Меньшиковъ собственоручно вырылъ могилу, скрывшую ея бренныя останки. Когда священникъ, совершившій погребеніе, спросилъ, какое было имя и званіе покойной, Меньшиковъ, говорятъ, отвѣтилъ: „умершая не имѣла ни имени, ни званія; называйте ее въ вашихъ молитвахъ рабой Божіей“. Чрезъ нѣсколько времени надъ ея останками благочестивымъ усердіемъ одного изъ ея потомковъ былъ поставленъ памятникъ и построена церковь; послѣдняя уничтожена пожаромъ, камень-же отъ огня въ нѣсколькихъ мѣстахъ раскололся, такъ что теперь слѣдующія слова: „здѣсь покоится тѣло рабы Божіей Н....“, составляютъ все, что можно разобрать на надписи, выгравированной на этомъ интересномъ, хотя теперь и заброшенномъ памятникѣ.

Противъ Услона, на срединѣ Волги, есть островъ, называемый „Гостиннымъ“, который во время взятія Казани служилъ мѣстомъ убѣжища Хану Шихъ-Алею²⁾), союзнику русскихъ. Вблизи этого мѣста 6-го Августа 1815 года на Волгѣ образовался смерчъ—явленіе рѣдко случающееся на морѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкахъ.

Рѣка Волга въ этой мѣстности представляетъ по истинѣ грандиозный видъ. Противъ Услона въ ширину она болѣе $1\frac{1}{2}$ миль, вообще-же на протяженіи всего ея теченія по Казанской губерніи ея ширина рѣдко менѣе мили. Однако приходится сожалѣть, что глубина этой величественной рѣки такъ мало соответствуетъ ея

¹⁾) Теперь считается около 8500 верстъ. Прим. ред.

²⁾) Ханъ شیخ علی царствовалъ въ Казани нѣсколько разъ: 1519—1521, 1546 и 1551—1552. Прим. ред.

ромадной ширинѣ. Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ, гдѣ на зглѣдъ можно ожидать неизмѣримую пучину, на самомъ дѣлѣ оды ея такъ мелки, что даже барки, сидящія на три фута въ водѣ, не находятъ другихъ средствъ для движенія впередъ, какъ вырѣзивъ часть клади. Это обстоятельство представляетъ большое затрудненіе для сообщенія по среднему ея теченію.

Много видовъ и предметовъ останавливало на себѣ вниманіе автора, когда онъ плылъ по этой извѣстной рѣкѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ мѣсто обязываетъ его опустить безъ упоминанія. Пещера Сюкеевская—одно изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній природы этой страны. Входъ въ эту пещеру, расположенную на боку обрывистой, возвышенной горы, на лѣвомъ берегу Волги, и въ значительной высотѣ надъ уровнемъ рѣки, настолько заросъ густой чащей хвойныхъ деревьевъ, что авторъ, хотя и знакомъ былъ съ его дѣйствительнымъ положеніемъ, однако послѣ продолжительныхъ напрасныхъ поисковъ прохода былъ принужденъ нанять крестьянина изъ окрестностей въ проводники къ этому мѣсту. Миновавъ маленькое полукруглое отверстіе, посѣтитель оказывается въ обширной сводчатой комнатѣ, которая устроена какъ-бы руками человѣка и стѣны которой настолько ровны и полированы, какъ могъ это сдѣлать только каменщикъ, что не мало содѣйствуетъ увеличенію представленія объ искусственномъ происхожденіи пещеры. То обстоятельство, что входъ ея такъ хорошо скрытъ, можетъ дать основаніе предположенію, что прежде пещера эта служила мѣстомъ убѣжища и укрывательства пиратовъ и разбойниковъ, которые наводняли Волгу и число которыхъ было такъ значительно и разбоя ихъ такъ смѣлы, что побуждали великихъ князей московскихъ послать противъ нихъ въ различное время вооруженную силу. Это побудило даже многихъ лицъ думать, что пещера устроена ими (разбойниками), но подобное предположеніе является неосновательнымъ въ виду того, что на противоположной сторонѣ пещеры есть второе отверстіе, служащее входомъ во вторую пещеру, во многомъ сходную съ первой по свой формѣ и виду, но превосходящей ее по обширности; въ ней находится родъ озера, покрытаго плавающимъ льдомъ. Лучи солнечнаго свѣта не проникаютъ въ нее и посѣтитель, приходящій сюда, долженъ запасаться лодкой и факеломъ, чтобы видѣть болѣе, чѣмъ одинъ входъ. Не смотря на любопытство, возбуждаемое этой пещерой, она до сихъ поръ не изслѣдована, хотя не одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и знаменитый Гумбольдтъ, дѣлалъ попытку къ этому. Суевѣrie крестьянъ, которые по нѣкоторымъ особенностямъ мотивамъ смотрѣть на изслѣдованія, какъ на видъ богохульства, представляло много другихъ болѣе существенныхъ препятствій, до сихъ поръ разстраивающихъ всякое усиленіе, направляемое на это дѣло. Замѣ-

чено, что пистолетный выстрелъ во второй пещерѣ даетъ десятикратное эхо, чго побуждаетъ предполагать, что кромѣ здѣсь упомянутыхъ, существуютъ тамъ и другія пещеры. Все это остается и, вѣроятно, еще долго будетъ оставаться предметомъ сомнѣнія, вѣроятно, чго пещера эта не будетъ изслѣдована до тѣхъ поръ, пока русское правительство не издастъ повелѣнія и не доставитъ средства для точнаго осмотра ея свойствъ и значенія ¹⁾.

Извѣстно, что вода, содержащаяся во второй пещерѣ, отличается сѣристыми свойствами и, какъ предполагаютъ, имѣетъ связь съ сѣрымъ родникомъ, бьющимъ въ сосѣднемъ съ Сюкѣевымъ селеніемъ посѣщаемымъ многими, привлекаемыми цѣлебнымъ свойствомъ его водъ. Вблизи этой пещеры, тоже на берегу Волги, въ значительномъ количествѣ скапливается нефть, употребляемая только бурлаками и рыбаками, которые посѣщаются этотъ ручей и часто, утомившись, останавливаются здѣсь для того, чтобы смазать свои сапоги, рукавицы и кожаные фартухи ²⁾.

Гора, называемая „Бѣлый Мысъ“ (Shining Promontory) и расположенная вблизи этой пещеры, была убѣжищемъ другой, весьма значительной шайки разбойниковъ, которые даже въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ нападали и грабили суда, отправляющіяся и возвращающіяся съ Макарьевской ярмарки. Даже въ настоящее время, несмотря на энергичныя мѣры, предпринимаемыя мѣстными властями, учредившими на Волгѣ постоянную линію сторожевыхъ шлюпокъ съ вооруженными солдатами, это—грозная разбойничья шайка, сдѣлавшаяся такъ извѣстной въ лѣтописяхъ своей страны, не только совершенно не исчезла, но то и дѣло находитъ средства—возобновлять свои хищенія.

Въ пятнадцати верстахъ отъ пещеры Сюкѣевской, на вершинѣ высокой, скалистой горы возвышается живописный городъ Тетюши, названный такъ потому, что онъ былъ мѣстомъ жительства и собственностью извѣстнаго татарскаго князя, по имени Тютюша, который отличался во время осады Казани и наводилъ ужасъ на Русскихъ завоевателей. Читателю покажется страннымъ, чтобы городъ, построенный у самаго берега громадной рѣки, терпѣлъ большой недостатокъ въ томъ, что такъ обильно разливается вокругъ него. Однако это именно такъ и происходитъ съ Тетюшами, обитатели

¹⁾ Кромѣ вышеизложеннаго автора узналъ, что новое изслѣдованіе этого предмета имѣетъ быть сдѣлано проф. Казанскаго Университета геологомъ П. Вагнеромъ.

²⁾ По словамъ Ф. И. Сурина («Путеводитель по Волгѣ. Каз. 1896») близъ с. Сюкѣева находятся нефтяные ключи и 2 ледяныя пещеры: одна около с. Лобышки и другая у Рожественск.). Прим. ред.

которыхъ въ этомъ отношеніи претерпѣваютъ одну изъ пытокъ, на какія былъ осужденъ Танталъ въ темницахъ Тартара. Носить воду по крутой, неровной дорожкѣ, подъемъ на которую труденъ и утомителенъ даже для необремененного ничѣмъ путника, становится дѣломъ почти невозможнымъ; поэтому жители Тетюшъ принуждены удовлетворяться скучнымъ ручьемъ, который истекаетъ изъ бока горы и подступъ къ которому вслѣдствіе глинистой почвы во всякое время затруднителенъ, въ сырую-же, дождливую погоду, становится даже прямо невозможнымъ. Населеніе Тетюшъ считается около 1400 душъ¹⁾); городъ представляетъ одну улицу, тянущуюся параллельно рѣкѣ; въ срединѣ ея стоитъ каменная церковь византийского стиля. Съ вершины этой горы въ ясный день предъ зрителемъ открывается великолѣпный живописный видъ: у его ногъ течетъ величественная Волга; вокругъ ея—обширное пространство, покрытое лѣсами и селеніями, въ отдаленіи можно видѣть высокія башни разрушенного города Болгаръ, которые гордо поднимаются среди пустынной равнины, и къ которымъ авторъ, какъ пилигримъ, направлялъ теперь свои одинокія стопы.

У подножія этой горы расположена группа рыбакихъ лачугъ. Среди рыбъ, ловимыхъ въ окрестностяхъ, есть, такъ называемая, „бѣшенная рыба“, которая Русскими не употребляется, но, будучи высушена на солнцѣ, служить любимымъ кушаньемъ Чувашъ.

Ага Базаръ²⁾ былъ слѣдующимъ мѣстомъ, въ которомъ авторъ остановился и гдѣ окончилась его маленькая экскурсія. Пристань эта въ прежнее время была главнымъ портомъ Болгаръ; она расположена въ семи верстахъ отъ развалинъ этого города. Предполагаютъ, что она служило мѣстомъ значительной ярмарки для Болгаръ и задолго до основанія Казани была важнымъ рынкомъ европейской и азіатской торговли. Нѣкоторые остатки развалинъ и земляные валы видимы до сихъ поръ. Ага-Базаръ былъ мѣстомъ, гдѣ Императрица Екатерина II высадилась во время посѣщенія Болгаръ и гдѣ дорога, идущая далѣе, получила въ память ея посѣщенія название „Царской“.

Слѣдя этимъ путемъ, авторъ скоро достигъ развалинъ. Онъ стоять посреди обширной необработанной равнины, кругомъ разбросаны жалкие домишкі Русскихъ крестьянъ, живущихъ въ этомъ

¹⁾ Теперь въ Тетюшахъ насчитывается около 5000 душъ; отстоитъ этотъ городъ отъ Казани въ 141—143 верстахъ. Прим. ред.

²⁾ «Ага Базаръ» передѣлано изъ татарскихъ словъ *بانكا بازار* «новый базаръ»; въ этомъ предмѣстіи болгарской столицы былъ базаръ иностранныхъ купцовъ. Прим. ред.

мѣстѣ. Эта деревня до сихъ поръ носить название „Болгары“, но ахъ! какой контрастъ между нѣкогда великолѣпной и славной столицей и несчастной деревушкой, которая занимаетъ ея мѣсто теперь и носить ея название.

III. Высокая башня.

„Здѣсь не слышенъ болѣе призывъ муэззина къ молитвѣ“.

Первый предметъ, обращающій вниманіе путника, посѣщающаго развалины Болгаръ,—высокая башня, называемая „большой колонной“ или „круглой башней“ (минаретомъ), вершина которой оканчивается конусомъ, увѣнчаннымъ полумѣсяцемъ.

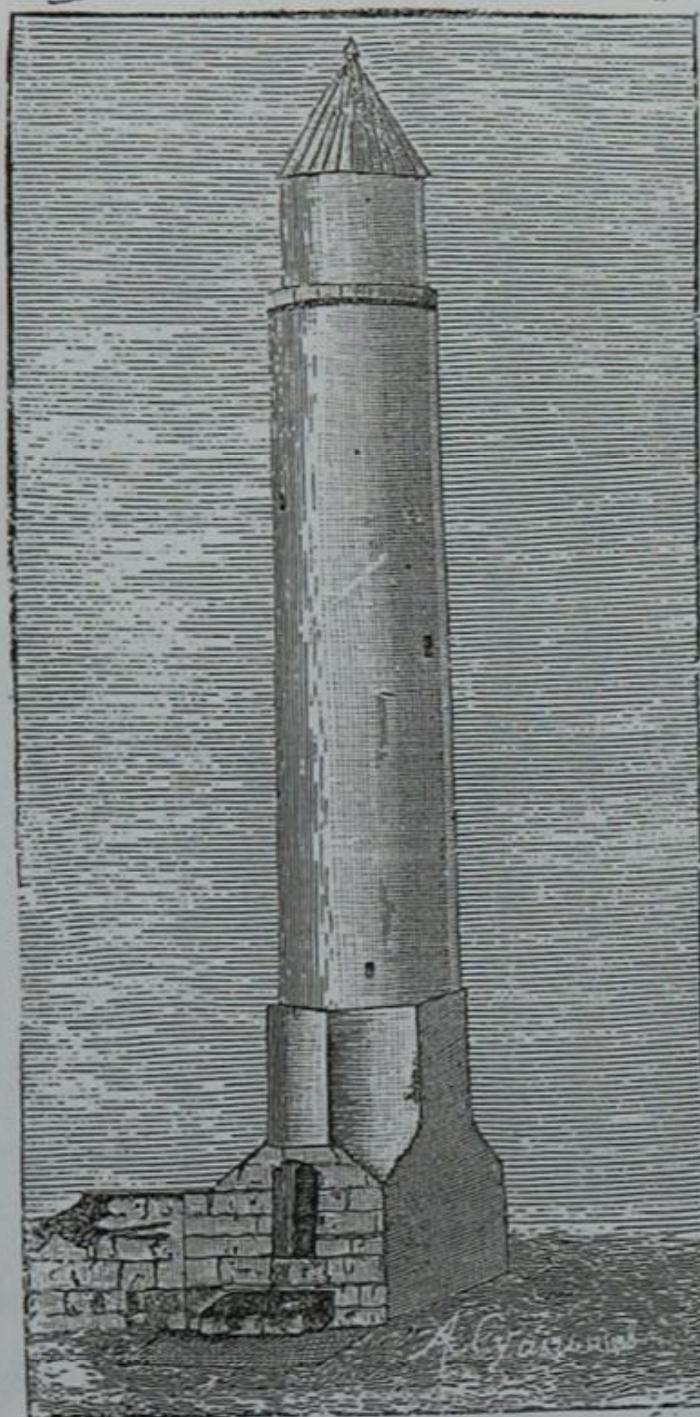
Башня эта, выстроенная изъ множества сѣрыхъ камней, предполагаютъ, раньше служила минаретомъ. Не смотря на тысячу лѣтъ, которая пронеслись надъ ея головою, она мало пострадала отъ времени и стихій и до сихъ поръ остается памятникомъ могущественного народа, еї соорудившаго. Минаретъ этотъ, вѣроятно, вслѣдствіе слабости земли, на которой онъ сложенъ, или камней, изъ которыхъ устроенъ его фундаментъ, подобно извѣстной пизанской башнѣ, значительно склоняется въ одну сторону. Каменная лѣстница, устроенная внутри, ведетъ на самый верхъ башни. Вблизи входа, на высотѣ нѣсколькихъ ступеней, обращаетъ на себя вниманіе громадный камень, на которомъ многіе путешественники, посѣвшавшіе Болгары, выгравировали свои имена. Между надписями можно видѣть одну, начертанную не кѣмъ инымъ, какъ Петромъ Великимъ, который, какъ мы уже замѣтили, посѣтилъ эти развалины въ 1722 году. Отъ времени первая буква имени стерлась, четыре же послѣднія можно ясно разобрать до сихъ поръ.

Минаретъ этотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ починенъ на средства богатаго казанскаго купца—татарина, который съ своимъ семействомъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно посѣщать развалины.

Вокругъ башни разсѣяны обломки разрушенныхъ стѣнъ, считающіеся остатками мечети, къ которой, предполагаютъ, принадлежалъ этотъ минаретъ. Вблизи послѣдняго стоитъ старинная русская церковь, построенная, разсказываютъ, изъ множества камней, оставшихся отъ разрушенного болгарского храма¹⁾). Какъ и минаретъ и, вѣроятно по той-же причинѣ, она утратила свое вертикальное положеніе. Замѣчательно также en passant, что церковь и минаретъ, потерявъ свое перпендикулярное положеніе, обратились другъ

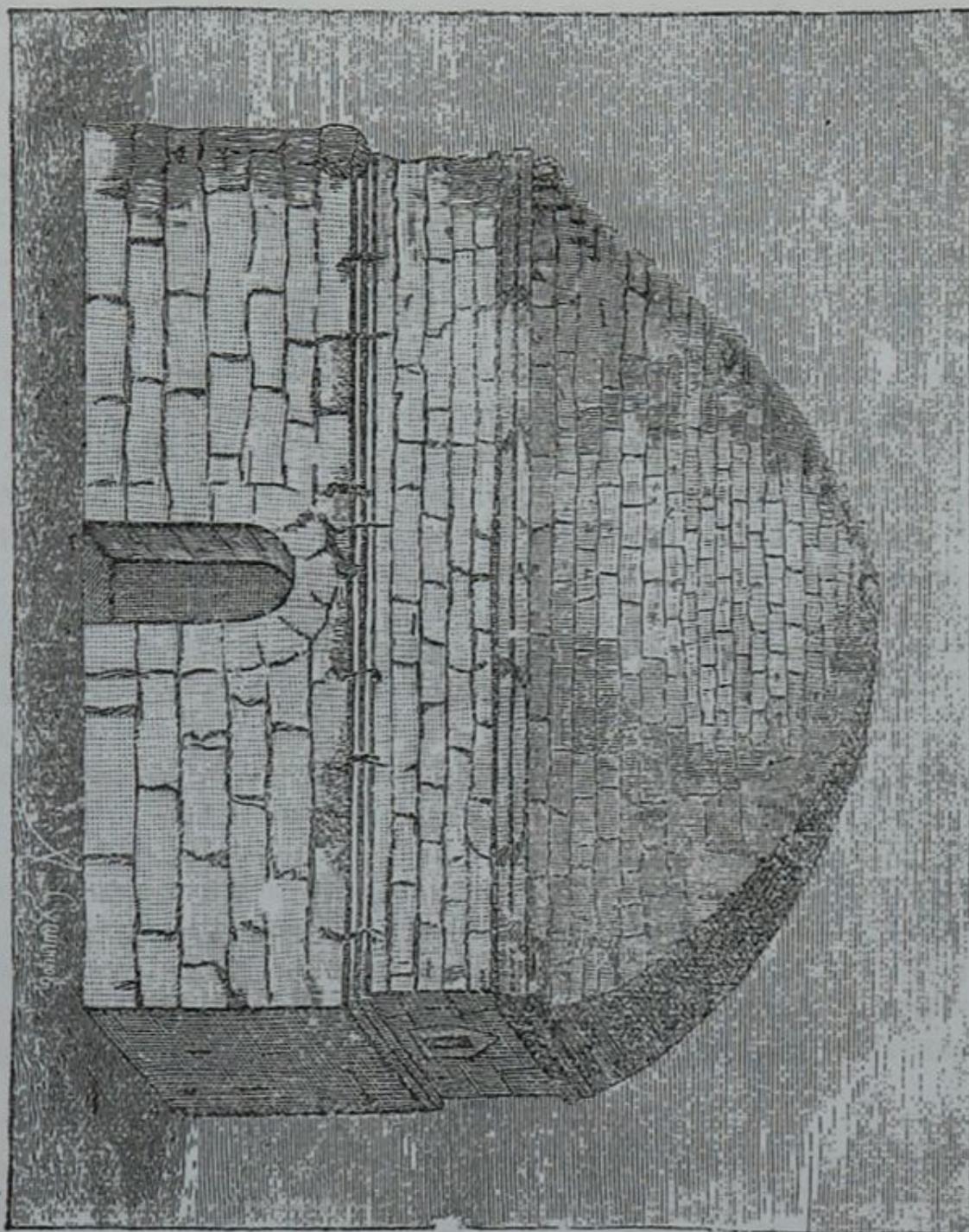
¹⁾ Посѣгители Болгаръ, осмотрѣвъ церковь кругомъ снаружи и внутри, должны могутъ увидѣть камни съ араб. и армян. буквами, положенные въ фундаментъ церкви и въ полъ ея. Прим. ред.

Развалины Болгаръ.

Большой минаретъ или высокая башня. (По рисунку Палласа).

Развалины Болгаръ.

Палата, бывшая монастырскимъ погребомъ, близъ нынѣшней церкви. (По рисунку Палласа).

къ другу съ поклономъ; и тамъ вы видите высокій мусульманскій минаретъ склоняющимся къ христіанской церкви, которая, кажется, скромно отвѣчаетъ на учтивый жестъ. Но я весьма склоненъ предполагать, что послѣдняя въ недалекомъ будущемъ испытаетъ не-пріятность отъ этого вѣжливаго положенія своего колоссального сосѣда, ибо несомнѣнно, когда первый упадетъ (а упастъ когда-нибудь онъ долженъ¹⁾), такъ какъ имѣеть трещину дошедшую уже до средины), христіанское зданіе паденіемъ мусульманской башни будетъ превращено въ развалины. Чтобы предотвратить подобное торжество послѣдователей Магомета, казанская власти должны-бы хорошенко укрѣпить башню желѣзомъ и поправить ту часть, которая кажется самой ненадежной. Я однако очень опасаюсь, что, если это дѣло когда-нибудь будетъ предметомъ ихъ разсужденій, то они пожелаютъ предпринять гораздо болѣе легкій и дешевый способъ предохраненія, путемъ разрушенія высокой башни, представляющей такую опасность.

Въ стѣнахъ этой церкви заключено большое количество надгробныхъ камней, взятыхъ для ея постройки съ древнихъ могилъ Болгаръ (и могилъ др. народовъ), замѣчательныхъ по ихъ объему и еще болѣе по обилію надписей, находящихся на ихъ поверхности. Фундаментъ этого мѣста богослуженія, предполагаютъ, всецѣло составленъ изъ тѣхъ-же интересныхъ материаловъ. Надписи, находящіяся на камняхъ, написаны на арабскомъ, татарскомъ и армянскомъ языкахъ. Петръ Великій былъ первымъ, издавшимъ повелѣніе—сдѣлать копіи и переводъ этихъ надписей. Онъ были помѣщены Лепехинымъ въ его сочиненіи, но, кажется, были очень неудовлетворительно переведены татарскимъ муллой, которому была поручена работа. Извѣстный ориенталистъ Юлій Клапротъ, предостерегая отъ этихъ ошибокъ, писалъ изъ Парижа графу Потоцкому, прося прислать ему копіи съ оригинальныхъ надписей, сдѣланныхъ съ самихъ камней, которые сохранялись въ казанскихъ архивахъ. По полученіи ихъ были сдѣланы новые переводы извѣстнымъ ориенталистомъ Сенъ-Мартэномъ (St. Martin)²⁾. Благодаря Клапроту сохранились для исторіи отъ истребленія эти цѣнныя памятники

¹⁾ Предположеніе автора вполнѣ сбылось, ибо эта башня въ началѣ 40-хъ годовъ XIX в. упала, и теперь отъ нея осталась одна память. См. обѣ этой башнѣ на стр. 203—204 книги С. М. Шпилевскаго «Древніе города Казань, 1877».

Прим. ред.

²⁾ Сочиненіе Ю. Клапрота (27 стр. 8°) издано въ «Journal Asiatique», подъ заглавиемъ «Notice et explication des inscriptions turques et arabes de Bolghari». С. Мартэну въ этомъ труде принадлежитъ чтеніе армянскихъ надписей Болгаръ. Оба чтенія—хороши, только у Клапрота татарскія надписи прочитаны на оборотѣ: сынъ вм. отца, отецъ вм. сына, и т. под. Прим. ред.

Болгарской нації, такъ какъ, спустя немного лѣтъ, въ Казани произошелъ большой пожаръ, истребившій все содергавшееся въ ея архивахъ, гдѣ хранились и эти надписи. Въ настоящее время остается очень немного изъ тѣхъ камней, съ которыхъ были сняты эти надписи и даже тѣ немногіе, которые сохранились, по причинѣ неблагопріятнаго климата этой области находятся въ такомъ положеніи, что съ трудомъ могутъ быть прочтены¹⁾.

Сохранившихся надписей числомъ 47; изъ нихъ слѣдующія мы предлагаемъ вниманію читателя: 1. „Одинъ Богъ великъ! Одинъ Богъ бессмертенъ. Все живущее должно нѣкогда погибнуть. Имя того, кто лежитъ подъ этимъ камнемъ, Абубекръ-Асланъ-Гасанъ-Махмудъ, сынъ Бакліота. Великій Боже! наполни могилу его милостію; укрась его жилище въ странѣ праведныхъ и даруй, чтобъ онъ могъ мирно отдохнуть въ раю, послѣ прощенія грѣховъ его“²⁾.

2. Предопредѣленіе зависитъ отъ Бога. Онъ—вѣчно живущій! Все, получившее отъ него жизнь, должно нѣкогда исчезнуть. Рука благотворительности, нашъ любезный Суваръ-Яли-Ходжа, сынъ Али-Ходжи, внукъ Амратша-Ходжи, правнукъ Абубекра Ходжи, оставилъ эту жизнь въ тринадцатое число мѣсяца Джумада, въ годъ преслѣдованія (угнетенія)³⁾.

3. „Единъ Богъ великъ! Богъ единъ бессмертенъ. Это—могила прекрасной, разумной, благочестивой принцессы, дочери Ризая, родомъ изъ Шемахской области. Великій Боже! даруй ей вѣчное блаженство; прости грѣхи, совершенные ею, и запечатлѣй въ страшный день суда на лицѣ ея небесный свѣтъ. Она умерла въ 716 г. Магомета“⁴⁾.

4. „Богъ есть вѣчно живущій. Это—могила Абдуллы, сына Ахмета! Смерть есть чаша, изъ которой принуждены пить всѣ смертные. Могила—дверь, чрезъ которую должно пройти все человѣчество“.

5. „Богъ есть вѣчно живущій! Въ послѣдній день суда, который неизбѣжно настанетъ, Богъ подниметъ мертвыхъ изъ могилъ ихъ“.

¹⁾ Въ настоящее время болгарскіе памятники можно видѣть въ музеяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ Болгарахъ и Казани, въ Казанскомъ Городскомъ Музѣѣ и въ снимкахъ сдѣланныхъ И. Н. Березинымъ, Н. А. Толмачевымъ и др. Прим. ред.

²⁾ Памятникъ поставленъ въ 619 году, а по-русски: 1222—1223. Прим. ред.

³⁾ Болгары этимъ словомъ указываютъ на время монгольскаго нашествія, случившагося по «Древнему лѣтописцу» (часть I. СПб. 1774) въ 1361 (6869) году. «Древній Лѣтописецъ» говоритъ: «Абулатъ Темиръ князь Ординскій (т. е. Золото-ордынскій, а не Тамерланъ) Болгары взялъ, и всѣ грады по Волзѣ и улусы поималъ, и отня весь Волжскій путь». Прим. ред.

⁴⁾ 716 г. гиджры—1316 г. по Р. Хр..

6. „Богъ—вѣчно живущій! Здѣсь лежитъ великолѣпная, благородная, мудрая, прекрасная, скромная, цѣломудренная и благочестивая Ай-Бикя, дочь Мухаммеда, умершая въ 721 г. (1321)“.

7. „Богъ есть вѣчно живущій! Это могила великаго шейха, весьма великодушнаго, почетнаго, могущественнаго, знаменитаго Муса-Бека. Простри, Боже, надъ нимъ руки милосердія и посѣй на могилѣ его цвѣты избранія. Онъ скончался во второй мѣсяцъ Рабіа 716 года (1316)“.

Древнѣйшіе изъ надгробныхъ памятниковъ, найденныхъ въ Болгарахъ, могутъ гордиться 1200-лѣтнимъ существованіемъ, болѣе новые—четыресталѣтнимъ.

Надписи на армянскомъ языке, одна имѣющая помѣтку 984 года, другая 557 г., доказываютъ, что Болгары вели очень обширную торговлю въ то время, когда всѣ соседнія племена были погружены въ грубѣйшее варварство.

IV. Мусульманская мечеть и христіанскій храмъ.

Вблизи только что-описанного минарета стоитъ небольшая, интересная осьмиугольная постройка, бывшая, какъ предполагаютъ, прежде мечетью. Въ то время, когда въ этой странѣ обосновались Русскіе, зданіе это было превращено въ храмъ, посвященный Св. Николаю. Призываія Магомета, прежде оглашавшія его своды, замѣнились молитвами, обращенными къ истинному Богу. Теперь оба безмолвны! Нижняя часть этого зданія представляеть квадратъ, переходящій на верху въ шестиугольникъ. Дикия растенія выползаютъ изъ каждой щели его поверхности и придаютъ невыразимый видъ запустѣнія¹⁾.

Какъ внутренность, такъ и вѣшность этого зданія сохранились гораздо въ лучшемъ видѣ, чѣмъ другія разрушенныя постройки Болгаръ. Это явилось слѣдствіемъ того, что оно (здание) служило Русскимъ мѣстомъ молитвы, что побуждало окрестныхъ крестьянъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ остальнымъ. Стѣны его, покрытыя весьма странными оригиналыми видами архитектурныхъ орнаментовъ, и лѣпныя украшенія, которыми отѣланы окна и двери, свидѣтельствуютъ о красотѣ и вкусѣ, доказывающихъ, что искусства особенно совершенствовались среди обитателей Болгаръ.

¹⁾ Въ 1889—1890 годахъ, при производствѣ ремонта, внутри церкви найдена надъ кирпичнымъ сводомъ каменная плита съ датою 4-го числа мѣсяца Джумада II-го 690 года=4 июня 1291 г. по Р. Хр. Плита была положена подъ женщину, по имени Таджу'н-ниса; она у Ф. Ф. Мордвишина въ Болгарахъ. Прим. ред.

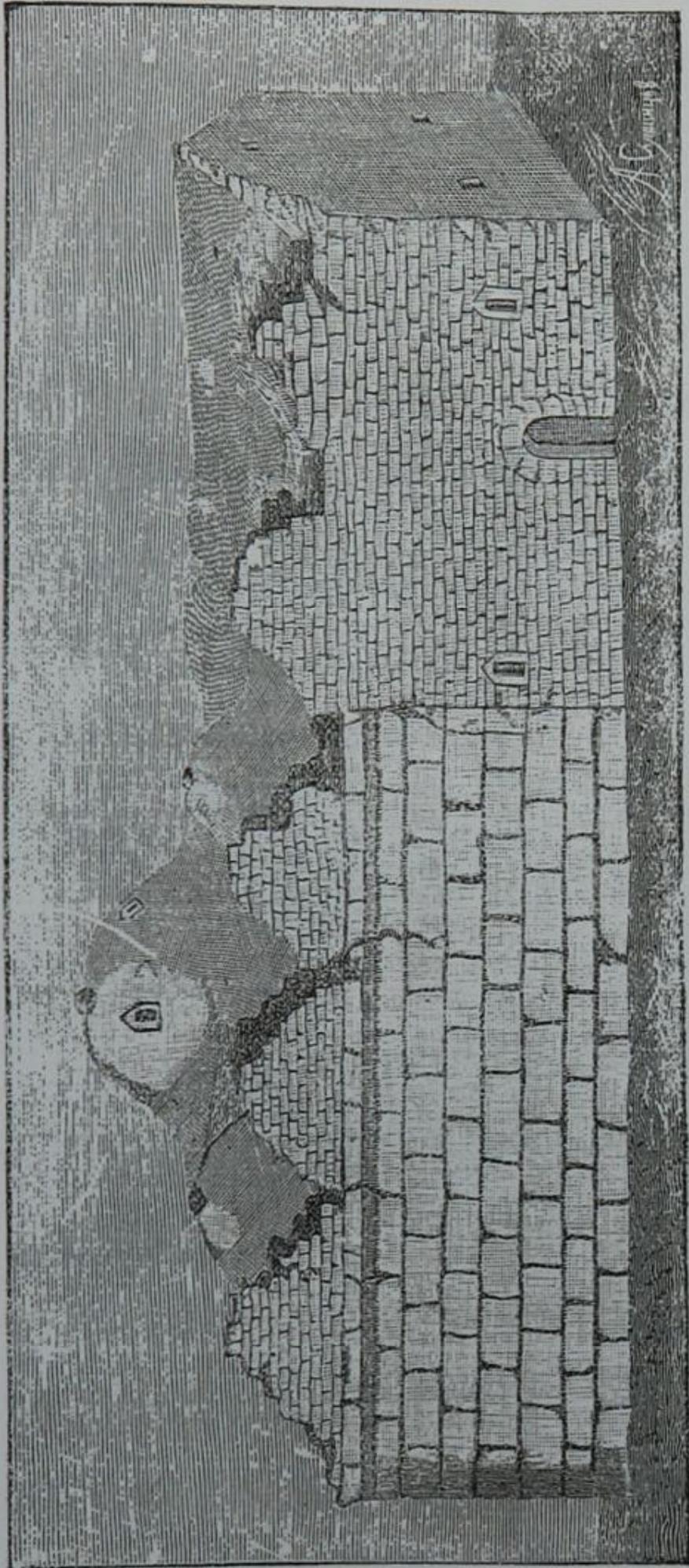
V. Бѣлая палата.

Послѣ осмотра этой интересной постройки авторъ отправился къ группѣ разрушенныхъ зданій, отстоящихъ въ $\frac{3}{4}$ мили отъ упомянутыхъ выше развалинъ. Мѣсто, которое онъ переходилъ, было покрыто перемежающимися холмами и впадинами, напоминающими волны бурного моря. Страшна повѣсть, какую рассказываютъ эти впадины! На этомъ мѣстѣ, болѣе чѣмъ на семь верстъ кругомъ, путешественникъ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ попранія человѣческихъ костей, которыя лежатъ разсѣянными почти на поверхности земли въ безчисленномъ количествѣ. Несомнѣнно, что это—останки обитателей Болгаръ, всѣхъ тѣхъ, которые были умерщлены во время взятія ихъ столицы Тамерланомъ и отчасти татарами, участвовавшими въ непрерывныхъ войнахъ между ханами Золотой Орды (Сарайскими), которые оспаривали владѣніе этимъ городомъ, когда могущество его клонилось къ упадку. Около 50 лѣтъ тому назадъ изобиліе человѣческихъ останковъ побудило нѣкоторыхъ спекулянтовъ устроить селитренную фабрику на этой равнинѣ, беспорядочный видъ которой давалъ имъ право расчитывать на откапываніе костей. Въ настоящее время значительная часть равнины обращена въ пахотное поле, которое подобно описанной Байрономъ равнинѣ Ватерлоо, доставляетъ хлѣбныя зерна въ такомъ богатствѣ и изобиліи, что невольно приходитъ на умъ восклицаніе поэта: „О, сколько красный дождь (кровь) произвелъ жатвенныхъ злаковъ!“

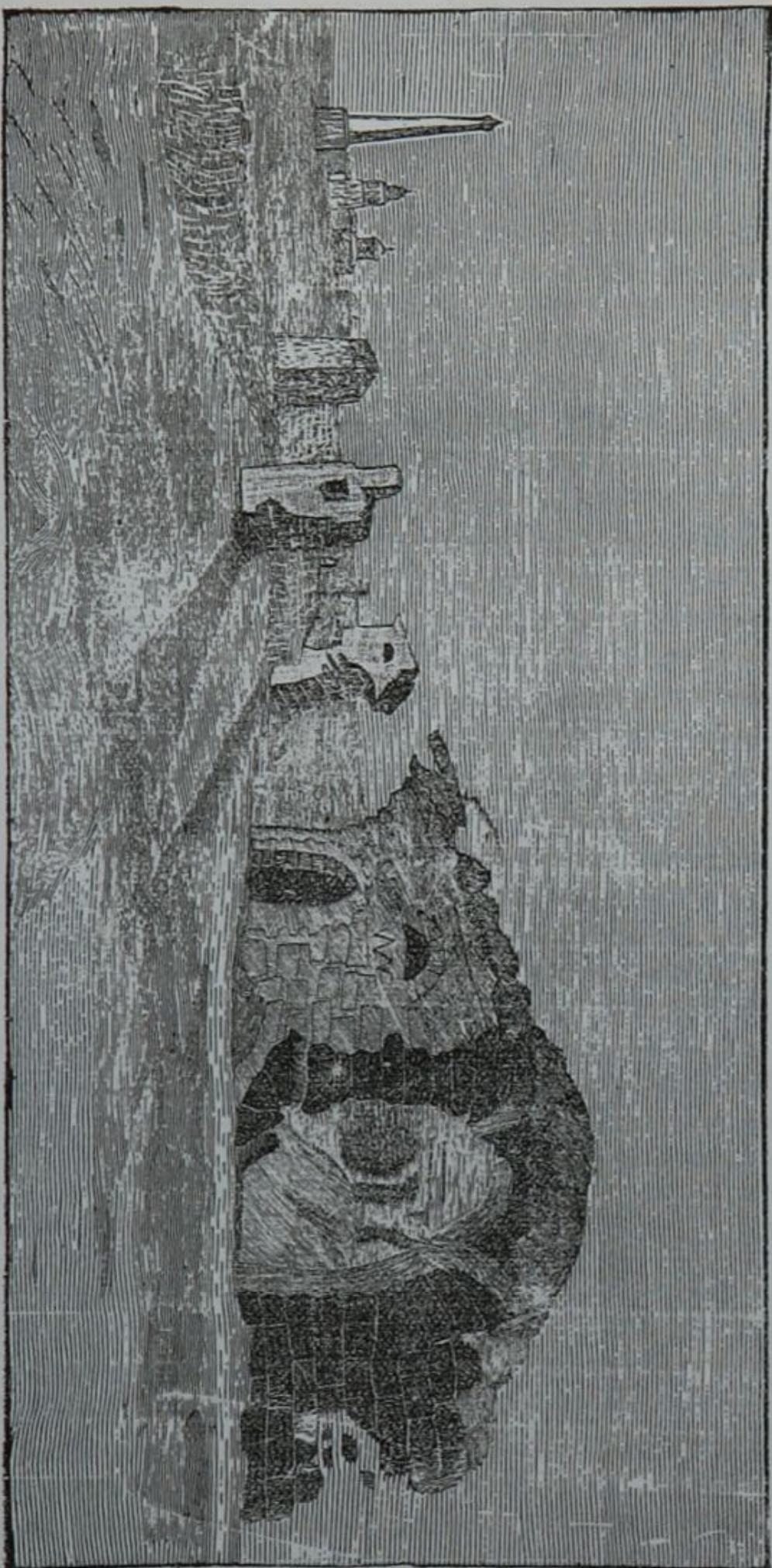
Развалины, къ которымъ теперь подходитъ авторъ, представляютъ наиболѣе обширный и также болѣе замѣчательный остатокъ великколѣпнаго города Болгаръ. Онъ были предметомъ многихъ изслѣдований и разсужденій послѣдавшихъ ихъ археологовъ. Нѣкоторые считаютъ ихъ остатками дворца, другие мечети, многие принимаютъ ихъ за остатки одной изъ тѣхъ знаменитыхъ публичныхъ бань, которыя существовали въ Болгарахъ и о которыхъ упоминаетъ князь Исмаилъ Абуль-Феда и другие арабскіе писатели.

Онъ состоять изъ большой, круглой залы, увѣнчанной потолкомъ или куполомъ, имѣющимъ вверху отверстіе, устроенное,ѣроятно, для полученія солнечнаго свѣта. Эта комната, представлявшая очевидно нижній ярусъ высокой постройки, соединена съ двумя флигелями, изъ которыхъ оба значительной величины и которые своей конструкціей указываютъ, что болѣе половины этого зданія безъ всякой причины было разрушено. Внутренность этихъ флигелей раздѣлена на нѣсколько маленькихъ низкихъ комнатъ, не имѣющихъ ни оконъ, ни другихъ отверстій, чрезъ которыя-бы могъ проникнуть дневной свѣтъ, что служитъ доказательствомъ, что искус-

Развалины Болгаръ.

Бѣлая палата (По рисунку Палласа).

Развалины Болгаръ.

Развалины около большого минарета.

ственний свѣтъ долженъ былъ быть тогда въ употребленіи. Это отчасти даетъ право предположенію, которое высказалъ ученый профессоръ Эрдманъ, что эта развалина прежде была баней, потому что достовѣрно известно, что у восточныхъ націй былъ обычай употреблять въ ихъ баняхъ свѣтильники; свѣтъ, даваемый ими, считался болѣе пріятнымъ, чѣмъ дневной. Но зачѣмъ тамъ такъ много маленькихъ комнатъ, двери которыхъ такъ низки и узки, что пятилѣтнее дитя не сгибаясь съ трудомъ можетъ пройти въ нихъ? Нельзя-ли предположить, что зданіе это было тюрьмой и это не что иное, какъ камеры, въ которыхъ были заключаемы преступники¹⁾. Но безпользено предполагать: все, что умъ испытываетъ при созерцаніи этихъ развалинъ, замѣчательно выражено въ слѣдующихъ стихахъ „Чайлльдъ Гарольда“, которые намъ пришли на память въ то время, какъ мы смотрѣли на эту картину разрушенья:

Среди разрушенного свѣта
Кто-бѣ могъ здѣсь прошлое сыскать
И снова точно разсказать:
„Здѣсь было то, здѣсь было это“?

Мысль здѣсь ощупью блуждала.
Есть планъ морей для моряковъ,
Есть карта звѣздъ. Лишь только здѣсь
Мы, какъ въ степи, идемъ чужими.
Порой кричимъ мы: „еврика!“ въ надеждѣ
Узнать о томъ, что было прежде;
Но то миражъ своей игрой
Насъ ввелъ невольно въ заблужденье.²⁾

Что эта разрушенная постройка считается особенно замѣчательной, доказательствомъ тому служить существованіе обширныхъ подземныхъ проходовъ, которые тянутся изъ-подъ зданія на значительное разстояніе и въ которыхъ деревенскіе крестьяне время отъ времени выкапываютъ много серебряныхъ и золотыхъ монетъ, а иногда даже вазы и другіе предметы, сдѣланные изъ тѣхъ-же самыхъ металловъ. Около фундамента этой постройки также найдено много древнихъ монетъ и цѣнныхъ вещей. Это и есть та несомнѣнная причина, по которой развалины эти такъ уменьшились по

¹⁾ О Бѣлой Палатѣ подробнѣе см. на стр. 213—216 книги С. М. Шпилевскаго «Древніе города». Прим. ред.

²⁾ «Полное собраніе сочиненій Байрона». Издание Гербеля. Томъ I. С.Петербургъ. 1894 г. стр. 486.

величинѣ и количеству со временем посѣщенія ихъ Петромъ Великимъ, такъ какъ изъ разсмотрѣнія рисунковъ, сдѣланныхъ съ этихъ зданій въ то время, видно, что около половины ихъ исчезло вслѣдствіе алчности крестьянъ сосѣднихъ селеній, обнаруженной послѣдними въ ихъ поискахъ скрытыхъ сокровищъ, для отысканія которыхъ они не задумывались разрушить совершенно крѣпкіе флигеля этого зданія. Вандализмъ этотъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не былъ ему положенъ конецъ казанскимъ начальствомъ; дѣйствительно, было уже благовременно воспретить это дѣло. Если-бы замедленіе протянулось еще на нѣсколько лѣтъ, то не осталось бы ни одного камня отъ этихъ интересныхъ развалинъ, ибо, какъ скоро искатели кладовъ разламывали стѣны, огромные камни, изъ которыхъ они были устроены, увозились другими крестьянами и употреблялись ими въ ихъ селеніяхъ для постройки лачужекъ, гуменъ и жалкихъ домишекъ.

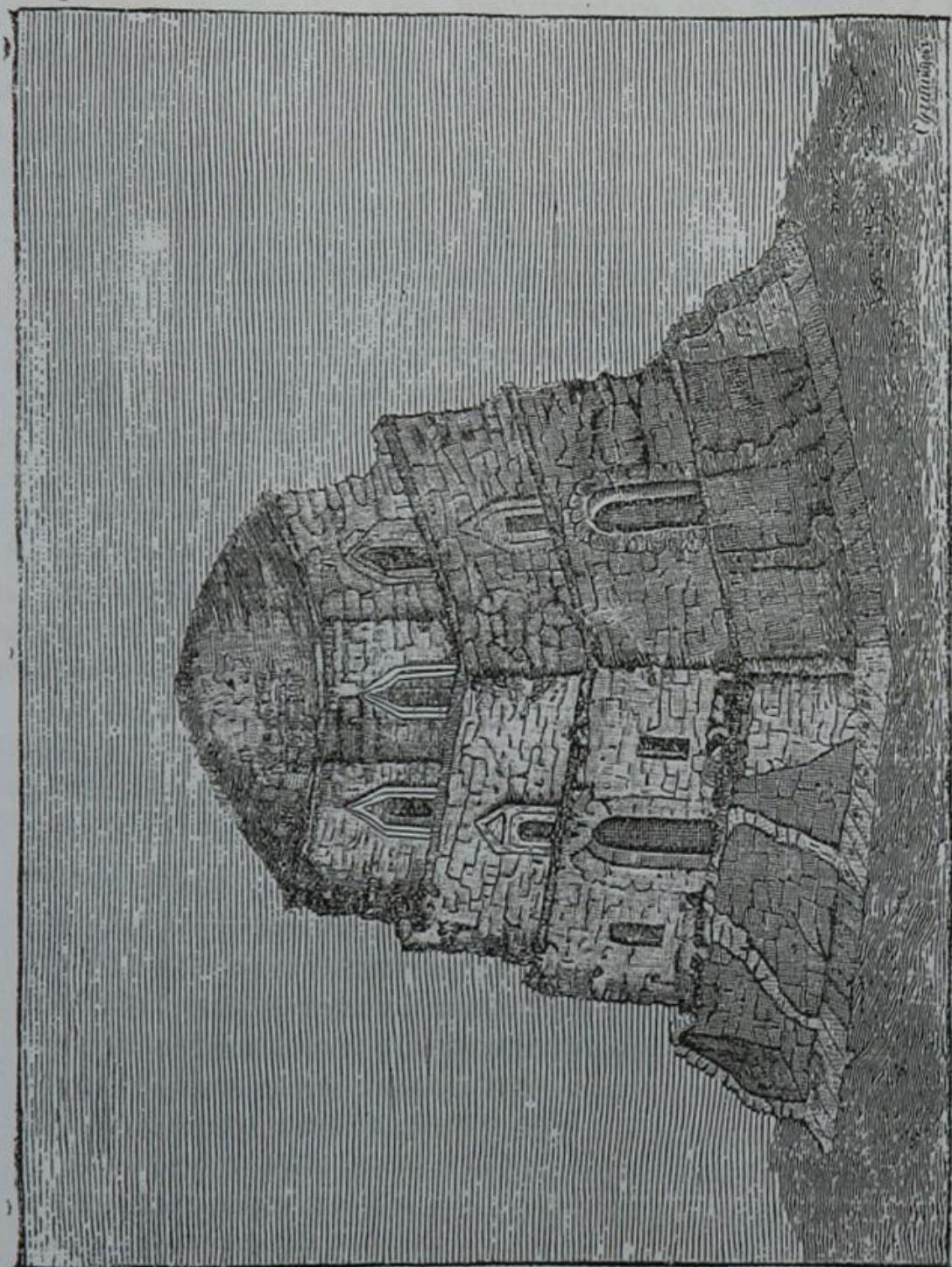
Развалины эти носятъ название „Бѣлой Палаты“.

VI. Черная палата.

Въ небольшомъ разстояніи, направо, около 80 сажень отъ „Бѣлой Палаты“, находится другая весьма замѣчательная развалина, которая также служитъ предметомъ безконечнаго спора среди учёныхъ. Нѣкоторыми писателями называется она „Черной Палатой“; преданіе-же именуетъ её „Судейскимъ домомъ“¹⁾). Кто теперь можетъ решить: что было тутъ: дворецъ-ли, судилище, мечеть, караулъ-сарай или какая другая постройка? Однако, что бы это ни было, то немногое, что остается отъ нея въ настоящіе дни, достаточно говорить, что это было зданіемъ внушительнымъ. Оно гораздо выше, чѣмъ другія разрушенныя зданія, и носитъ слѣды высокаго архитектурнаго стиля и изящества. Остающаяся часть превосходно сохранилась, въ особенности внутренняя, которая украшена и обѣлана весьма страннымъ и оригинальнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатурка, на которой были устроены орнаменты и пилasters, до сихъ поръ не тронута. Вообще развалина эта одна изъ замѣчательныхъ и возвышается величественно несмотря на десять вѣковъ, протекшихъ надъ ея головою. Когда мы примемъ во вниманіе ужасный климатъ и чрезвычайный холодъ и зной, дѣйствію которыхъ она такъ долго подвергалась, то не можемъ не изумляться той малой порчѣ, которую причинили ей время и безпощадные стихіи.

¹⁾ Подробнѣе объ этой палатѣ см. у С. М. Шпилевскаго въ его «Древнихъ городахъ» на стр. 211—212. Прим. ред.

Развалины Болгаръ.

Черная палата или Судейский домъ (по рисунку П. С. Палласа).

VII. Малая колонна.

Послѣдній предметъ, оставшійся теперь для нашего изслѣдованія, былъ второй минаретъ, нѣсколько похожій на первый по высотѣ и конструкціи¹⁾. Отъ предыдущаго онъ отличается тѣмъ, что стоитъ совершенно прямо и вершина его опоясана желѣзными полосами; прибавленіе это сдѣлано упомянутымъ ранѣе казанскимъ купцомъ изъ татаръ, по фамиліи Юнусовымъ. Минаретъ этотъ однако не возбуждаетъ такого интереса, какъ разсмотрѣнный сосѣдъ его; это происходитъ отчасти потому, что исправленія, которыми онъ подвергался, придаютъ ему слишкомъ новый видъ, отчасти же потому, что соперникъ его своимъ наклоненнымъ положеніемъ пріобрѣлъ чрезвычайно оригиналный, бросающійся въ глаза видъ. Кругомъ его лежать разбросанными многочисленные остатки стѣнъ, полузаросшихъ травой и верескомъ и покрытыхъ тѣмъ причудливымъ видомъ зелени, который любить расти на развалинахъ, какъ-бы въ насмѣшку надъ ихъ лѣтами и запустѣніемъ. Предполагаютъ, что осколки эти,—суть остатки той мечети, къ которой принадлежалъ этотъ минаретъ. Вблизи его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находились развалины ханскаго дворца, хотя теперь нѣть никакихъ остатковъ этого зданія, кроме груды камней, съ трудомъ дающихъ представление о планѣ, по которому онъ былъ сооруженъ.

Кромѣ развалинъ, которыхъ я описалъ, теперь нѣть никакихъ другихъ остатковъ отъ знаменитаго города Болгаръ и его десятитысячнаго населенія. Настоящее его состояніе прекрасно можетъ быть обрисовано слѣдующими стихами Байрона:

„Мохъ и трава; кругомъ обвалы...
 Однѣ развалины стоять,
 Гдѣ прежде были арки залы
 И рядъ высокихъ колоннадъ.
 Со стѣнъ всѣ фрески сбиты прочь.
 И населяютъ только совы
 Пещеры темныя, какъ ночь.
 Что-жъ это: бани, храмъ, палаты?
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Мы знаемъ только: то былъ слѣдъ
 Стѣны, разрушенной когда-то....²⁾“

¹⁾ Объ этомъ минаретѣ см. на стр. 216 «Древнихъ городовъ» С. М. Шпилевскаго. Прим. ред.

²⁾ Изъ Чайльдъ-Гарольда. 4 пѣснь, 107 строфа; стр. 491.

Таковы въ настоящее время, нѣкогда славные и могущественные, Болгары. Чувство скорби явилось въ умѣ, когда мы стояли посрединѣ этого разрушенаго города и размышили о прошломъ и настоящемъ. Урокъ этой сцены разрушенія учитъ насъ однимъ видомъ своимъ, говорить сердцу болѣе, чѣмъ могутъ сказать тысячи философскихъ моральныхъ разсужденій. Это врываются внутрь нашего сердца и заставляетъ подумать о самихъ себѣ. Все это, какъ и мы теперь, было полно жизни и энергіи; теперь-же все, какъ и мы въ недалекомъ будущемъ, превратилось въ прахъ, невѣдомо, забыто, заброшено. Да это такъ!..... Эта заупокойная пѣснь мало страшна для тѣхъ, кто изъ своего прошлаго ни о чёмъ не можетъ вспомянуть, кромѣ скорби, видитъ только печаль въ настоящемъ и для кого одни мрачные виды въ будущемъ.

VIII. Знаменитые посѣтители.

Въ 1722 году Петръ Великій во время своего путешествія, предпринятаго имъ по разнымъ областямъ его Имперіи, побуждаемый любопытствомъ, посѣтилъ эти развалины. Во время его пріѣзда, какъ мы замѣтили, на равнинахъ Болгарскихъ находилось свыше семидесяти различныхъ зданій, сохранившихся въ сносномъ положеніи. Теперь изъ нихъ остается не болѣе пяти: остальное все разрушено невѣжественными сосѣдними крестьянами. Какая печальная истина! Даже послѣдняя пять, описанная нами, постигла-бы та-же самая участъ, если-бы очень недавно мѣстныя власти не пробудились отъ своей летаргической холодности, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ одного или двухъ ориенталистовъ, рѣшившихся предотвратить окончательное разрушеніе этихъ интересныхъ памятниковъ.

Знаменитый Монархъ, походивъ нѣкоторое время около развалинъ, поднялся на одинъ изъ высокихъ минаретовъ и здѣсь, удивленно всматриваясь въ обширный открывающійся предъ нимъ видъ, какъ говорятъ, громко произнесъ слѣдующія слова: „Эти башни—доказательство мудрости Болгаръ. Съ подобныхъ возвышеностей они всегда могли знать о движеніяхъ и набѣгахъ, предпринимаемыхъ ихъ врагами, поэтому они всегда были готовы къ битвѣ и были въ состояніи оказать помощь сосѣднимъ со столицею городамъ“.

Сорокъ пять лѣтъ спустя послѣ посѣщенія великаго Императора Болгары видѣли прибытие другой высокопоставленной особы, Императрицы Екатерины II. Великая Императрица оставила замѣтку о посѣщеніи этихъ развалинъ въ письмѣ, писанномъ около этого времени, къ Вольтеру. Здѣсь она пишетъ слѣдующее: „Во время моего путешествія по Волгѣ я оставила мою барку и высадилась, чтобы посѣтить развалины древняго города Болгаръ, который былъ

осажденъ и взятъ Тамерланомъ для его зятя. Я нашла здѣсь много каменныхъ зданій и девять минаретовъ, очень прочно устроенныхъ. Я подошла къ одной изъ этихъ развалинъ, вблизи которой стояло сорокъ татаръ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ молитвенномъ положеніи. Начальникъ губерніи сказалъ мнѣ, что мѣсто это считается татарами священнымъ: они во множествѣ приходятъ сюда для молитвъ. Желая узнать объ этомъ подробнѣе, я сама спросила одного татарина, который понравился мнѣ болѣе другихъ. Онъ далъ мнѣ понять, что не умѣеть говорить по-русски. Я затѣмъ обратилась къ другому, который на мой вопросъ: „кто онъ?“ отвѣтилъ, что онъ—имамъ и прибавилъ, что среди этихъ развалинъ жилъ нѣкогда святой человѣкъ и что изъ очень отдаленныхъ мѣстъ приходятъ сюда пилигримы, помолиться на его могилѣ“ ¹⁾.

Императрицу Екатерину сопровождалъ въ этомъ путешествіи известный Палласъ, который оставилъ намъ весьма важную работу о русской Имперіи. Лепехинъ и Гмелинъ, оба занимающіе почтенное положеніе въ лѣтописяхъ знанія, также посѣтили эти развалины. Недавно онѣ привлекли стопы знаменитаго Гумбольдта, который не мало часовъ провелъ на этомъ пустынномъ мѣстѣ.

IX. Древнее положеніе Болгаръ.

Всѣ путешественники, посѣщающіе Болгары, особенно поражаются однимъ обстоятельствомъ—почти полнымъ отсутствіемъ воды. Въ сосѣдствѣ нѣть ни рѣки, ни озера, ни ручья. Волга отъ города находится въ семи миляхъ. Палласъ былъ особенно удивленъ этимъ недостаткомъ и сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Обстоятельство это способно возбудить наше недоумѣніе, что такой богатый и пышный городъ, какъ Болгары, находился въ такомъ неблагопріятномъ положеніи въ отношеніи воды, которая могла быть получена то изъ колодцевъ, подобно тому, какъ это дѣлается теперь обитателями деревни. Однако весьма вѣроятно, что рѣка Волга, отстоящая теперь на 12 верстъ отъ Болгаръ, прежде протекала вблизи стѣнъ этого города“ ²⁾.

Вопросъ этотъ можетъ быть решенъ тѣмъ, вѣрна или нѣть послѣдняя замѣтка; однако здѣсь есть основаніе допустить это. Хорошо известенъ фактъ, что многіе города, стоявшіе прежде на берегахъ Волги, теперь находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея

¹⁾ 120-ое письмо изъ переписки Императрицы Екатерины съ Вольтеромъ (1763—1778).

²⁾ Утверждаютъ это и нѣкоторые арабскіе путешественники, писавшіе о Болгарахъ (см. С. М. Шпилевскаго «Древніе города» стр. 5). Прим. ред.

усла. Достовѣрно также засвидѣтельствовано, что Волга постоянно измѣняется и отклоняется въ своемъ теченіи и замѣчено, что она значительно уменьшилась и въ ширину, и въ глубину за послѣднія два столѣтія. Съ каждымъ годомъ она продолжаетъ мѣлѣть все больше и больше; послѣднее, частью, зависитъ отъ высыханія другихъ меньшихъ рѣкъ, прежде вливавшихся въ эту великую рѣку, частью—отъ уменьшенія воды въ Каспійскомъ морѣ, которое, мы убѣждены, раньше покрывало своими волнами степи, на которыхъ теперь расположены Саратовская, Астраханская и Оренбургская губерніи ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы Болгарская нація избрала мѣсто для своей столицы тамъ, гдѣ ощущается такой недостатокъ въ необходимѣйшей для человѣческаго существованія стихіи, или, чтобы городъ, главныя средства и богатства котораго полагались въ торговлѣ, расположился въ такомъ значительномъ разстояніи отъ Волги, чрезъ посредство которой производилась его обширная торговля, коею онъ былъ извѣстенъ. Я былъ даже убѣжденъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены обломки разбитаго корабля очень древней постройки, глубоко зарытые въ пескѣ вблизи Болгаръ; если послѣднее—правда, то это увеличиваетъ истинность того, что Волга прежде омывала своими водами стѣны этого города.

Тотъ-же недостатокъ соединенъ и съ деревней Билярскъ, которая занимаетъ мѣсто и носитъ название также болгарскаго города Билярска, какъ и Булымеръ. Раньше рѣка Билярка текла по срединѣ города, теперь-же она почти совершенно пересохла. Этотъ городъ былъ вторымъ по размѣру и значенію у Болгарской націи и былъ окружень тройнымъ рвомъ и валомъ. Послѣдній возвышался прежде на 25 футовъ надъ землею, значительная часть его замѣтна еще до сихъ поръ и въ окружности ровъ былъ около 15 верстъ, въ ширину же имѣлъ пять слишкомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь находились различныя разрушенныя зданія и Петръ Рычковъ въ своемъ „Опытѣ Казанской исторіи (СПб. 1767)“ упоминаетъ о многихъ каменныхъ постройкахъ, изъ которыхъ наиболѣе значительными были остатки храма и одной или двухъ круглыхъ башенъ. Теперь отъ Билярска не остается ничего кромѣ немногихъ беспорядочныхъ грудъ камней и фундамента одной изъ башенъ, упоминаемыхъ Рычковымъ, которая, онъ говоритъ, была гораздо больше, чѣмъ Болгарскія. Развалины эти, какъ и памятники Болгаръ, сво-

¹⁾ Говоря о предѣлахъ каспійской трансгрессіи, П. И. Кротовъ въ своей «Экскурсіи по Волгѣ въ 1900 г.» (Казань, 1901) приводитъ доказательства, что Каспій въ былые времена заходилъ къ сѣверу довольно далеко. Прим. ред.

имъ окончательнымъ истребленіемъ обязаны грубымъ рукамъ сосѣднихъ крестьянъ.

Отъ другихъ многочисленныхъ городовъ Болгарского царства теперь не остается никакого слѣда. Мѣста, на которыхъ стояли нѣкогда пышные города Жукотинъ, Буйлимать, Куманъ, Карсунъ, Тура, Иски-Казанъ, Арскъ, Гормиръ, Арпачъ и многие другіе сдѣлались мѣстоположеніемъ грубыхъ деревушекъ или-же бороздятся плугомъ земледѣльца, который, окончивъ свою обычную работу, мало раздумываетъ, что пустынныя мѣста, на которыхъ онъ живетъ, были нѣкогда полны жизни и дѣятельности и обильны дворцами, храмами и жилищами людей. *Sic transit gloria mundi!*

Х. Болгарскія дрѣвности.

Разини Болгаръ, какъ было прежде замѣчено, съ незапамятнаго времени служатъ предметомъ раскопокъ и поисковъ крестьянъ, которые нѣсколько разъ находили здѣсь вазы, кубки, идовъ, оружіе, особенно же—большое количество золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, чеканенныхъ во время владычества Болгаръ, такъ какъ большая часть ихъ имѣеть арабскія надписи. Также было выкопано много длинныхъ тонкихъ серебряныхъ палочекъ, длиною обыкновенно въ $2\frac{1}{2}$ дюйма; предполагаютъ, что это—родъ монетъ, употреблявшихся Болгарами. За время моего краткаго пребыванія въ Болгараахъ я купилъ у крестьянъ сосѣдней деревни различныя старинныя мѣдныя монеты, мѣдный кувшинъ и два черепа, найденные крестьяниномъ при копаніи фундамента для его жилища. За послѣднія десять лѣтъ число открываемыхъ предметовъ постепенно уменьшилось; крестьяне этимъ временемъ стали свѣдущи въ ихъ дѣнѣ и все откапываемое при случайѣ привозятъ въ Казань, гдѣ всегда находятъ щедрыхъ покупателей.

Русскій писатель Павелъ Юркульскій¹⁾ въ разсказѣ о Болгараахъ передаетъ слѣдующій интересный анекдотъ объ этомъ самомъ предметѣ.

„Много лѣтъ тому назадъ“, говоритъ онъ, „въ городѣ Спасскѣ жилъ старикъ, по имени Сосипатръ Васильевичъ, который имѣлъ обыкновеніе скупить у крестьянъ за сущія пустяки откапываемыя болгарскія дрѣвности и перепродавать ихъ любителямъ по возвышенной цѣнѣ. Однажды крестьянинъ принесъ ему массивный кубокъ изъ чистаго золота съ превосходно сдѣланными барельефами и съ различными надписями на арабскомъ языкѣ. Старикъ при видѣ этого сокровища почувствовалъ удовольстіе, которое въ присутствіи крестьянина однако постарался скрыть. Начался торгъ. Крестьянинъ запросилъ 100 рублей (около 4 фунтовъ стерлинговъ); покупатель

¹⁾ Павелъ Иван. Осиповъ, у котораго въ Юркуляхъ Спасскаго у. находилось имѣніе.

предложилъ около десяти шиллинговъ. Чрезъ нѣсколько времени крестьянинъ согласился сбавить свою цѣну до 75 рублей; старикъ согласился дать пятьдесятъ. Дѣло на этомъ остановилось. Крестьянинъ завязалъ кубокъ и Сосипатръ спокойно позволилъ ему удаститься, разчитывая, что никто кромѣ него его не купитъ и что крестьянинъ чрезъ три-четыре дня вернется, какъ часто случалось прежде, и согласится продать за сумму меньшую той, какая была предложена. Проходитъ однако много дней, а крестьянинъ съ кубкомъ не возвращается, старикъ началъ серьезно задумываться надъ этимъ обстоятельствомъ. Очевидно, онъ допустилъ необычайную безтактность, ибо безъ дальнѣйшаго замедленія заложилъ въ телъгу взнущанную лошадь и, помѣстивъ свои старыя кости въ этотъ трясскій экипажъ, поспѣшно поѣхалъ въ Болгары. По прибытіи туда онъ прямо направился къ дому извѣстнаго крестьянина и, судя по замедленію, предположилъ, что было бы напрасно торговаться дальше, безъ разговора вынулъ изъ своего кошелька просимую сумму и положилъ на столъ предъ владѣльцемъ сокровища. Легко можно представить досаду и огорченіе его, когда послѣдній съ иронической улыбкой сказалъ, что онъ слишкомъ долго замедлилъ, такъ какъ кубокъ лишь за день предъ этимъ проданъ. При этихъ словахъ мужикъ досталъ съ полки шкатулку и вынулъ изъ нея объемистую пачку кредитокъ и мѣшочекъ серебряныхъ монетъ, которыхъ онъ получилъ отъ продажи кубка. Сумма достигла 1000 рублей. Такія деньги были даны за кубокъ извѣстнымъ русскимъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, который наканунѣ поѣхалъ развалины Болгаръ и, услышавъ о кубкѣ, охотно предложилъ за него такую цѣну".

Эта драгоцѣнная древность хранится въ Румянцевскомъ музѣѣ въ С.Петербургѣ¹⁾.

Старый маіоръ, по фамиліи Жуковъ, имѣніе котораго находилось въ 10—12 миляхъ отъ Болгаръ, въ продолженіи многихъ лѣтъ скупалъ у крестьянъ все, что они находили на этомъ мѣстѣ, и собралъ такимъ образомъ интересную коллекцію Болгарскихъ древностей. Одинъ изъ этихъ предметовъ—кинжалъ—заслужилъ особенное вниманіе. Кинжалъ этотъ въ длину—отъ острія до рукоятки—16 дюймовъ (inches); одна рукоятка—около пяти. Лезвіе сдѣлано изъ чистѣйшей дамасской стали, темной, какъ крыло ворона. Рукоятка изъ слоновой кости, по бокамъ украшена блестящими рядами превосходныхъ красныхъ сардониковъ (азіатскій драгоцѣнныій камень), вставленныхъ въ серебро. Но еще болѣе замѣчательною частію кинжала являются ножны, сдѣланыя изъ чистаго серебра и

¹⁾ Румянцевскій музей находится нынѣ въ Москвѣ, куда переведенъ въ 1861 году; переданъ Правительству въ 1828 г. Прим. ред.

украшенныя тройнымъ рядомъ прекрасныхъ арабесокъ филигранной работы и другой разнообразной причудливой рѣзьбой. Ножны эти такъ изящны по своему исполненію, что скорѣе могутъ быть признаны *chef-d'oeuvr'omъ* знаменитаго современаго серебряныхъ дѣлъ мастера, чѣмъ произведеніемъ древней Азіи, найденнымъ въ Болгарахъ и лежавшемъ столѣтія въ землѣ. По богатству и отдѣлкѣ этого кинжала мы должны предположить, что онъ принадлежалъ знатному болгарскому воину, въ рукахъ котораго, говоритъ Юрткульский, долгое время заставлялъ литься кровь Москвитянъ.

Этотъ кинжалъ, прекрасный какъ и многія другія вещи, найденыя въ Болгарахъ, даютъ намъ полное основаніе предполагать, что Болгары достигли большого совершенства въ искусствѣ обработки металловъ. Это мнѣніе подтверждается свидѣтельствомъ упомянутаго стараго маіора, который разсказываетъ, говоритъ Юрткульский, что, когда были найдены ножны описанного кинжала, одинъ ободокъ ихъ былъ разбитъ; маіоръ, желая починить его, отдавалъ (ножны) многимъ лучшимъ казанскимъ серебряникамъ, но его всегда исправляли такъ, что малѣйшій толчекъ или ударъ ломалъ его снова, не смотря на то, что при починкѣ серебра не жалѣли. Очевидно, что серебро, изъ котораго были сдѣланы ножны, было соединено съ какимъ-нибудь другимъ металломъ или веществомъ, увеличивавшимъ его крѣпость.

Я слышалъ, что другой землевладѣлецъ Казанской губерніи, имѣніе котораго—вблизи Спасска, владѣетъ также коллекціей болгарскихъ древностей, состоящей изъ оружія, каковы, напримѣръ: пики, копья, аллебарды, лезвія мечей и т. п. Я съ сожалѣніемъ скажу, что не имѣлъ случая видѣть эти разнообразныя интересныя вещи.

Эти различные предметы будутъ служить доказательствомъ, что Болгары нѣсколько вѣковъ тому назадъ могли гордиться значительнымъ эстетическимъ вкусомъ и развитиемъ. Теперь мы намѣрены дать нашимъ читателямъ, на сколько это будетъ возможно, нѣкоторое изслѣдованіе о самомъ народѣ, древности котораго мы описали.

XI. „Древніе Болгари“.

Болгари, получившие вѣроятно свое имя отъ Волги, населяли все пространство, заключающееся между этой рѣкой, Уральскими горами и рѣками Самарой и Камой. Изъ этого можно судить о громадности территоріи, находящейся въ ихъ владѣніи. Происхожденіе ихъ неизвѣстно. Многіе ориенталисты считаютъ ихъ принадлежащими къ финскому племени; другіе писатели думаютъ, что они происходили отъ древнихъ Норманновъ, населявшихъ сѣверъ Россіи.

Но вѣрнѣе всего предполагать, что Болгары принадлежали къ монгольской расѣ, такъ какъ на мѣстахъ, гдѣ были расположены ихъ города, въ разное время выкопано много скелетовъ и всѣ черепа своимъ особеннымъ строеніемъ доказываютъ ихъ принадлежность къ монгольскому племени. Не смотря на то, что этотъ вопросъ рѣшить трудно, такъ какъ исторія ничего не сообщаетъ намъ относительно происхожденія этого народа, можно также предполагать, что Болгары послѣ покоренія ихъ монголами смѣшились съ этимъ племенемъ, вслѣдствіе чего получили его отличительные особенности.

Одинъ или два арабскихъ писателя, посѣтившіе Болгары во время ихъ могущества, оставили намъ краткое описание того, что наиболѣе обратило на себя ихъ вниманіе въ этомъ городѣ въ періодъ его цвѣтущаго состоянія. Замѣтка Ибнъ-Фадланъ¹⁾ болѣе обширна и интересна. Посѣщеніе его соединялось съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Алмусъ, царь Болгарскій, писалъ халифу Багдадскому, прося послѣдняго прислать проповѣдниковъ для обращенія его народа въ Магометанскую вѣру и архитекторовъ для постройки въ столицѣ мечетей. Халифъ, польщенный его просьбой, охотно согласился на это и послалъ въ Болгары послольство, главой котораго былъ Саусанъ-Аль-Раси²⁾, а секретаремъ Ибнъ-Фадланъ. Посольство это покинуло Багдадъ въ Іюнѣ (921 г.)³⁾, посѣтило Бухару и страну Башкиръ и прибыло въ Болгары въ маѣ 922 г.⁴⁾, такимъ образомъ, почти годъ былъ проведенъ въ пути. Услышавъ о приближеніи посланника, царь Алмусъ направился встрѣтить его; онъ сѣлъ на лошадь и былъ въ сопровожденіи всѣхъ вельможъ своего двора. Какъ скоро кавалькада встрѣтилась со свитою посланника, царь сошелъ съ коня, возблагодарилъ Бога за исполненіе его желаній и согласно азіатскому обычаю положилъ золотые монеты на головы чужеземцевъ. Чрезъ нѣсколько дней въ честь посла былъ устроенъ грандіозный праздникъ, на которомъ, говорить намъ Ибнъ-Фадланъ, присутствовало много другихъ приглашенныхъ правителей страны. Царь Алмусъ былъ одѣтъ въ темную мантю съ чалмою того-же цвѣта, специально приготовленную для этого случая. По обычаю Болгаръ царица помѣщалась подлѣ царя; во время торжества она получила подарки, присланные ей халифомъ Багдадскимъ⁵⁾.

¹⁾ Полное его имя—احمد بن فضلان ابن العباس بن اسد بن حماد مولى—
محمد بن سليمان Прим. ред.

²⁾ По-арабски: سوسن الرسى Прим. ред.

³⁾ Точнѣе: 11-го числа Сафара 309 года—21 июня 921 г. по Р. Хр. Прим. ред.

⁴⁾ Точнѣе: 12-го числа Мухаррема 310 года—11 мая 922 г. по Р. Хр. Прим. ред.

⁵⁾ Халифъ этотъ Аль-Муктадиръ Билля (царств. 908—932) изъ династіи Аббасидовъ былъ сынъ Мутадида и братъ Муктафи и Каира. Прим. ред.

Праздникъ закончился большимъ пиромъ, въ теченіе котораго иностранцы дважды имѣли честь быть осыпанными золотыми монетами отъ царскихъ приближенныхъ.

Результатомъ этого посольства было обращеніе болгарскаго племени въ Магометанскую вѣру, что произошло, какъ повѣствуетъ Ибнъ-Фадланъ въ 942 году ¹⁾). Татарскій-же историкъ обращеніе Болгаръ относитъ къ болѣе раннему времени, именно, къ 9 году гиджры, или 636 по Рожд. Хр. Манускриптъ его, озаглавленный „Исторія Болгаръ“, интересенъ въ одномъ отношеніи, что авторъ его разсуждаетъ обо всемъ, что придется ему въ голову, исключая того, что требуется заглавіемъ его труда, такъ какъ во всемъ сочиненіи описаніе Болгаръ едва занимаетъ двѣ страницы. Относительно-же обращенія Болгаръ въ магометанство здѣсь онъ разсказываетъ вотъ что:

Въ девятомъ году гиджры, говорить онъ, три ученыхъ араба Зубейръ (Zubir), Абдуръ-Рахманъ (Abder-Rahman) и Тельхръ (Telhr) ²⁾ прибыли въ Болгари съ намѣреніемъ обратить этотъ народъ въ магометанство. По пріѣздѣ они занялись здѣсь леченіемъ и вслѣдствіе нѣсколькихъ успѣшныхъ опытовъ, которые были приняты Болгарами за чудеса, они пріобрѣли большую извѣстность и уваженіе. Около этого времени смертельно заболѣла дочь Хайдаръ-Хана, царя Болгарскаго; были приглашены арабскіе доктора и Хайдаръ-Ханъ пообѣщалъ выдать свою дочь за того, кто её вылечить. За работу взялся Зубейръ и предпринялъ слѣдующій способъ, чтобы совершить сверхъестественное исцѣленіе, который, по обычаю магометанъ, онъ началъ призваніемъ Аллаха; послѣ продолжительной, усердной молитвы, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, дерево, распространявшее необычайный ароматъ, внезапно поднялось изъ-подъ пола комнаты. Съ него Зубейръ собралъ достаточное количество листьевъ, изъ которыхъ и приготовилъ питье; это онъ предложилъ царевнѣ и, странно сказать, что почти тотчасъ-же она поднялась съ своей постели совершенно здоровою. Быть можетъ, это чудо сильно повліяло на Хайдаръ-Хана; онъ исполнилъ свое обѣщаніе и отдалъ свою дочь за Зубейра; и спустя немного времени, пораженный религіей Магомета, послѣдователи которой, предполагалъ онъ, владѣли силой совершать чудеса, принялъ мусульманство, въ чемъ послѣдовалъ за нимъ и его вѣрный народъ. Зубейръ остался въ Болгарахъ; спутники-же его, удовлетворенные успѣхомъ свое путешествія, возвратились въ Аравію, откуда пришли.

¹⁾ Опечатка, слѣдуетъ въ 922 году. Прим. ред.

²⁾ По другому чтенію: Талха.

Жалко, что ни Ибнъ-Фадланъ и никакой другой писатель не сообщилъ намъ, какую религию исповѣдывали Болгары до обращенія въ магометанство. Нѣкоторые предполагаютъ, что они были христіане, но я думаю, что это неправда, такъ какъ здѣсь остается много данныхъ заключать, что они были язычники.

Безъ сомнѣнія Болгары не ранѣе были обращены въ магометанство, чѣмъ они сами прониклись сильнымъ стремленіемъ обращать въ свою вѣру сосѣдей, такъ какъ, немнога лѣтъ спустя, мы находимъ ихъ отправляющими посланство къ Владиміру, Великому Князю Московскому (т. е. Россіи), чтобы склонить его и народъ принять мусульманство. Владиміръ въ отвѣтъ на это великодушное предложеніе немедленно послалъ въ Болгары особыхъ пословъ съ приказаніемъ ознакомиться съ характеромъ магометанской религіи, но описание, какое они ему дали по возвращеніи, очень не понравилось князю. Послы засвидѣтельствовали, что „при входѣ въ мечети Болгаръ они находили послѣднихъ сидящими въ прямомъ положеніи, безъ поясовъ и безпрестанно кланяющимися внизъ; послѣ этого они поднимались и, какъ безумные, оглядывались вправо и влѣво; имъ показалось также, что среди народа тамъ не было ни радости, ни веселья, ничего кромѣ грусти и дурныхъ запаховъ и что изъ этого они заключили, что религія ихъ не удовлетворительна. Они добавили, что вино было запрещено мусульманскимъ закономъ. Владиміръ, который былъ, кажется князь веселый, услышавъ это, воскликнулъ, какъ говорятъ несторіанскія лѣтописи, „вино—напитокъ веселья, безъ него не можетъ жить человѣкъ!“ и тотчасъ отказался принять магометанство. Достовѣрно известно, что чрезъ нѣсколько времени онъ съ своимъ народомъ перешелъ въ христіанство, и для христіанства, вѣроятно, было благопріятно, что онъ поступилъ такъ. Трудно предположить, какъ замѣтилъ писатель, что случилось-бы съ судьбой Европы, если-бы этотъ князь принялъ магометанскую вѣру. Магометане царили въ то время въ Сициліи и Испаніи и вскорѣ на развалинахъ греческой имперіи начало образовываться Османское царство. Вообразимъ только, что Россія, населенная въ то время фанатиками, соединила свою силу съ мусульманами, вместо того, чтобы бороться съ ними и, воодушевившись глубокой ненавистью къ европейцамъ, которые одни послѣ завоеванія Африки, Испаніи, Сициліи и Греціи боролись съ распространениемъ ислама. Кто можетъ сомнѣваться, что вся Европа была-бы тогда раззорена послѣдователями Магомета?

Если это предложеніе справедливо, то христіанство и Европа, значитъ, обязаны спасеніемъ счастливому случаю—рѣшенію Владимира. Ибнъ-Фадланъ также сообщаетъ, что въ странѣ Болгаръ часто случались бури и ураганы и господствовалъ необы-

чайный холодъ. То-же самое замѣчаніе сдѣлано Абу-Гамидомъ-Андалузи¹⁾, который добавляетъ, что снѣгъ зимою выпадалъ здѣсь въ такомъ количествѣ, что даже лѣтній жаръ не успѣвалъ уничтожать его совершенно. Согласно другимъ писателямъ, здѣсь въ продолженіе семи мѣсяцевъ года царилъ такой ужасный холодъ, что земля дѣлалась твердой, какъ камень, такъ что съ трудомъ можно было хоронить умершихъ. Ибнъ-Батута утверждаетъ, что зимою тамъ не было другихъ способовъ передвиженія, какъ только съ помощью собакъ, какъ это обычно дѣлается на сѣверѣ Сибири и въ настоящее время. „Въ это время, говорить онъ, дороги бываютъ покрыты такимъ скользкимъ льдомъ, что ни человѣкъ, ни животное не въ состояніи стоять на немъ, только однѣ собаки могутъ двигаться при помощи своихъ когтей“.

Не смотря на такой значительный холодъ, мы узнаемъ отъ Ибнъ-Фадлана, что Болгары усердно занимались обработкой земли, которая въ изобиліи производила ячмень и пшеницу. Легко допустить, что почва была такъ плодородна, когда мы примемъ во вниманіе, что рѣки Волга и Кама своими частыми разливами удобряли страну въ то время такъ-же, какъ въ настоящее дни²⁾. Арабы упоминаютъ также о яблокахъ, которыхъ однако, какъ заявляютъ они, были въ то время весьма плохого качества, какъ и теперь; большая часть страны покрыта орѣшникомъ. Ели (пихты) также росли здѣсь въ изобиліи, изъ нихъ Болгары выгоняли вкусный сокъ³⁾, превращавшійся броженіемъ въ очень хмѣльный напитокъ. Обычную пищу болгаръ составляли конина и просо; послѣднее служитъ пищей и русскимъ. Рыба, масло и медъ (напитокъ, приготовленный изъ меда) были также въ большомъ ходу у этого народа.

Болгары платили своему повелителю дань, состоявшую изъ воловьей кожи отъ каждого семейства (вѣроятно, выдѣланной); до настоящаго времени такія кожи среди Персовъ, Бухарцевъ и Кал-

¹⁾ Испанскій ученый *أبو حامد الاندلسي* въ 1134 году по Р. Хр. (529 г. гиджру) посѣтилъ Болгары и бесѣдовалъ тамъ со знаменитымъ судьей Якубомъ, сыномъ Нумана (см. Р. Д. Фахруддина «Асаръ. Каз. 1900», стр. 61). Прим. ред.

²⁾ О процвѣтаніи земледѣлія и культуры древнихъ Болгаръ вообще см. статью А. А. Штукенберга «Земледѣльческія орудія древнихъ болгаръ» на стр. 211—220 «Учен. Запис.» Казан. Унив. за іюнь—іюль 1896 года. Прим. ред.

³⁾ Другіе говорятъ, что сокъ получался не изъ хвойнаго дерева, а изъ берескы. Прим. ред.

мыковъ называются болгарскими¹⁾). Кожа, выдѣлывающаяся въ Казани и ея окрестностяхъ, и нынѣ пользуется большою известностью, такимъ образомъ, этотъ видъ мануфактуры пережилъ народъ, который первый положилъ начало ему и которому принадлежало его настоящее совершенство.

Изъ свидѣтельствъ многихъ Арабскихъ путешественниковъ, бывавшихъ въ этомъ городѣ, очевидно, что въ Болгарахъ существовала высокая степень роскоши; и, когда мы примемъ во внимание обширную торговлю, которую вели этотъ народъ—что даже христіанскіе купцы издалека пріѣзжали сюда производить свои торговыя дѣла и что разбойники, населявшіе берега Волги, производили свои нападенія на торговлю, то мало основаній удивляться, что посредствомъ такихъ обширныхъ торговыхъ сношеній роскошь могла проникнуть въ среду этой большой и богатой націи. Такимъ образомъ, мы легко можемъ повѣрить Ибнъ-Фадлану, сообщающему намъ, что царь Болгарскій имѣлъ портного, приготовлявшаго его одежды, изъ Багдада, что тронъ его былъ обитъ золотой парчей греческаго производства и что платье его было необычайно по богатству и большія суммы предназначались на его изготошеніе. Но самымъ значительнымъ доказательствомъ степени роскоши, дарившей въ Болгарахъ, служить то, что такъ рано, какъ въ срединѣ десятаго вѣка, даже простой народъ этого города носилъ сапоги, что въ то время считалось большой роскошью, такъ какъ мы замѣтили, что низшій классъ русскихъ до сихъ поръ носить еще просто „лапти“—видъ сандалій, приготовляемыхъ изъ древесной коры.

Ибнъ-Фадланъ также говоритъ, что, когда кто-либо встрѣчалъ царя на улицѣ, обычай требовалъ снять шляпу и при прохожденіи царя сдѣлать поклонъ. Обычай этотъ, кажется, удивлялъ Арабскихъ путешественниковъ, которые считали неприличнымъ обнажать голову.

Тотъ-же писатель сообщаетъ, что, когда царь давалъ публичный приемъ, царица садилась съ нимъ рядомъ. Первый всегда обѣдалъ за отдельнымъ столомъ и разсыпалъ послѣдовательно куски мяса каждому гостю. Въ изобилии подавался медъ и обычай требовалъ, чтобы гость бралъ свои части изъ всего, что бы ни предлагалось ему во время обѣда. Русскіе, по свидѣтельству Герберштейна²⁾, кажется имѣли подобный же обычай.

Законы Болгаръ были чрезвычайно суровы и даже жестоки. Воровство и распутство были двумя преступленіями, особенно стро-

¹⁾ Выдѣланная кожа подъ именемъ «булгары» или «пулгайры» известна и у многихъ сибирскихъ инородцевъ, даже на Алтаѣ. Прим. ред.

²⁾ Siegmund Freiherr von Herberstein, жившій въ 1486—1566 гг., былъ въ Россіи въ 1517—1526 гг. Прим. ред.

го наказываемыми. Вследствие этого, вероятно, происходило то, что женщины мылись без страха и порицания в обществе мужчинъ и въ общественныхъ банихъ, и рѣкахъ, будучи при этомъ безъ всякой одежды и даже покрывала. Это доказываетъ, что болгарскія женщины пользовались гораздо болѣе свободой, чѣмъ ихъ татарскія и русскія сестры.

Изъ замѣтокъ Ибнъ-Фадлана мы также узнаемъ о массѣ суевѣрныхъ обычаевъ и понятій, царившихъ, какъ онъ увѣряетъ, среди этого народа и побуждающихъ насъ допустить, что въ періодъ, предшествовавшій ихъ обращенію въ магометанство, Болгары были, кажется, язычниками, а не христіанами, какъ некоторые предполагаютъ. Напримѣръ, необыкновенное почитаніе змѣй было причиной того, что Болгары не позволяли убивать этотъ родъ пресмыкающихся. Такой-же самый обычай мы встрѣчаемъ въ наше время среди некоторыхъ племенъ и народовъ Америки и Африки и хорошо известно, что онѣ прежде были предметомъ почитанія у Калмыковъ и Башкиръ¹⁾). Завываніе собакъ считалось у Болгаръ предзнаменованіемъ блестящей удачи, тогда какъ, напротивъ, среди многихъ другихъ націй это разсматривалось, какъ признакъ приближающейся бѣды. Домъ, разрушенный молніей, считался проклятымъ и покидался всѣми. Но наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ обычаевъ, господствовавшихъ у Болгаръ, было вѣшаніе всѣхъ людей, которые заявили себя необыкновеннымъ умомъ и ученостью. Въ существованіи такого обычая, о которомъ говорить Ибнъ-Фадланъ, можно-бы было сомнѣваться, если-бы не подтверждали то-же самое другіе Арабскіе писатели. Одинъ изъ нихъ Гамидъ Тури (Amid Tougu) объясняетъ его употребленіе слѣдующимъ образомъ. Умный, ученый человѣкъ, говорить онъ, былъ, по мнѣнію Болгаръ, болѣе достойнымъ служителемъ Бога, чѣмъ обычный смертный, и на этомъ основаніи Болгары считали обязанностью скорѣе отпра- вить его въ страны блаженства, хотя способъ, употреблявшися для препровожденія талантливаго человѣка изъ его земной жизни въ лучшую, избирался необычайный. Въ этомъ необыкновенно жестокомъ обычай не трудно подмѣтить то-же самое юридическое ос- нованіе, которое существовало въ остракизмѣ греческихъ республикъ: когда какой-нибудь человѣкъ дѣлался слишкомъ могущес-твеннымъ или слишкомъ влиятельнымъ своими талантами, враги требовали его изгнанія—несчастіе почти равное смерти.

Не смотря на этотъ варварскій обычай есть основаніе думать, что среди этого народа существовали законы строжайшей нрав-

¹⁾ Змѣй почитаютъ и многіе сибирскіе инородцы (см. обѣ этомъ кн. I «Записокъ Зап.-Сибир. Отд. Географ. Общ.» за 1879 годъ, стр. 4). Прим. ред.

ственности. На всѣхъ болгарскихъ монетахъ, большая часть которыхъ откопана въ разное время изъ-подъ развалинъ этого города, мы находимъ такія сентенціи, отказаться отъ которыхъ не имѣло бы причинъ даже святѣйшее христіанство. „Жизнь есть моментъ, дарованный намъ для совершенія добра и прославленія Бога“ ¹⁾)— Такова надпись, которую мы читали на большей части болгарскихъ монетъ.

Вотъ всѣ свѣдѣнія (но ахъ, какъ они скучны),—которыя мы въ состояніи собрать относительно города Болгаръ у древнихъ писателей. Но какъ не безплодны они, однако даютъ понятіе о значеніи, какое имѣлъ этотъ городъ, даже въ то раннєе время, когда они написаны. Обладаніе плодородной страной, простиравшейся отъ устья Камы по лѣвому берегу Волги, и прекрасное положеніе города должны были обеспечивать его процвѣтаніе. Дѣйствительно, естественно предположить, что Болгары имѣли въ своихъ рукахъ всю торговлю съ Сѣвера. Сношенія ихъ съ багдадскими и дамасскими арабами служили имъ средствомъ знакомства съ искусствами и науками, такъ какъ очевидно, что за долго до нашествія монголовъ въ Болгарахъ употреблялись деньги съ надписями изъ Аль-Корана, не смотря на то, что магометанство въ это время еще не было распространено среди нихъ. Генуэзцы снабжали ихъ чрезъ Крымъ и Кавказъ оружиемъ, предметами одежды и роскоши и даже различными художествами ²⁾). Отчасти благодаря этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ Болгары въ короткое время распространили свое владычество надъ своими сосѣдями Чувашами, Черемисами и Мордовой и, не довольствуясь этими завоеваніями, проникли въ предѣлы русской территории и владѣли городомъ Муромомъ, который былъ основанъ Рюрикомъ на берегахъ Оки для защиты отъ ихъ набѣговъ.

XII. Паденіе Болгаръ.

Въ періодъ позднѣйшихъ событій, происходившихъ между 1088—1240 годами, мы находимъ Болгаръ безпрерывно воюющими

¹⁾ *الذى ياسعه فاجعلوا طاعته* въ русскомъ переводе: «жизнь сія—часть. употребляй ее на служеніе Богу». Мусульмане говорятъ, что этотъ стихъ первоначально былъ выгравированъ на чудодѣйственномъ перстнѣ Соломона (см. № 4 «Кавказскаго Вѣстника» за 1900 годъ). Прим. ред.

²⁾ Болгары вели сношенія также съ Греками, благодаря чему о Болгарскомъ царствѣ свѣдѣнія можно почерпнуть не только у Арабовъ, Персовъ и Армянъ, но и у Грековъ (см. статью «die Bulgarische Fuerstenliste» на стр. 72—98 замѣчательной книги «die Chronologie der Altturkischen Inschriften», изданной 1898 г. въ Лейпцигѣ J. Marguагтомъ, съ предисловиемъ W. Bang'a). Прим. ред.

съ Русскими. Оба народа, кажется, много страдали отъ постоянной борьбы. Въ разгаръ этой кровавой борьбы страшная буря, которой было предопределено такъ жестоко смирить гордость Болгаръ, разразилась надъ этимъ несчастнымъ народомъ. Это было нашествіе монгольскихъ ордъ подъ начальствомъ извѣстнаго завоевателя и основателя города Казани—Батыя. Ничто не могло воспрепятствовать движенію этихъ варваровъ—завоевателей, которые неслись какъ стремительный потокъ, все затопляющій на своемъ теченіи. И Болгары также—Болгары богатые и пышные, подверглись участіи обычнаго разрушенія. Этотъ городъ въ свою очередь былъ атакованъ и ограбленъ; большая часть жителей его была убита; торговля совершенно уничтожена. Немногіе изъ обитателей, избѣжавшіе меча завоевателей, для поддержанія своего существованія принуждены были обратиться къ ручному труду и заняться тѣми самыми ремеслами, какія были распространены среди нихъ во время ихъ благоденствія. Производство юфти, которымъ этотъ городъ всегда славился, сдѣлалось теперь главнымъ источникомъ ихъ дохода. Словомъ Болгары, павшіе и разрушенные—постоянное мѣсто столкновеній кочующихъ ордъ Татаръ и Монголовъ, смѣшившихся съ ихъ населеніемъ—лишились въ это время своей свободы, торговли, блеска и, казалось, были готовы утратить даже національный характеръ и имя.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого несчастнаго событія мы находимъ Болгары однажды снова поднимающимися изъ униженного положенія, которому они подверглись. Ханъ Узбекъ, глава Золотой Орды¹⁾, дѣлалъ всевозможное усиленіе своею властью возстановить Болгары въ ихъ прежнемъ величіи. Онъ воздвигъ большое количество каменныхъ зданій, построилъ нѣсколько мечетей, основалъ въ Болгарахъ нѣсколько школъ, и мы знаемъ изъ лѣтописей, что къ его кончинѣ городъ этотъ пріобрѣлъ снова значительную степень своего прежнаго значенія и вліянія. Но, къ несчастію для Болгаръ, преемникъ этого хана, мысли котораго кажется исключительно сосредоточивались на грабежѣ и хищеніи, уничтожилъ всѣ разумные планы, предпринятые Узбекомъ для возстановленія этого города. Наконецъ, въ 1350 году Хыэръ-ханъ (Hedzer khan), повелитель Хивы²⁾, воспользовавшись безпрерыв-

¹⁾ *Джучидъ* غیاث الدین محمد او زبک خان царствовалъ въ 1312—1340 гг.

по Р. Хр., былъ въ родствѣ съ однимъ изъ русскихъ князей и греческимъ государемъ; прославился стараніями о распространеніи ислама въ Золотой Ордѣ.

Прим. ред.

²⁾ По русскимъ лѣтописямъ онъ пришелъ изъ-за Яика весною 1360 года; вѣроятно, вм. 1350 слѣдуетъ здѣсь: 1360. Прим. ред.

ными раздорами и борьбой, происходившими между ханами Золотой Орды, избралъ это отдаленное мѣсто временныи пребываніемъ и напасть на Болгары во главѣ многочисленнаго войска. Городъ снова былъ взятъ, правитель и семейство его были умерщвлены и Болгары снова потерпѣли тысячи несчастій подъ владычествомъ новыхъ властителей.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нашествія Хызръ-хана эта несчастная страна сдѣлалась ареной жестокихъ битвъ между различными ханами, которые послѣдовательно нападали и овладѣвали Болгарами. Среди всѣхъ ужасовъ, какими отмѣченъ этотъ періодъ беспорядка и кровопролитія, съ трудомъ можно прослѣдить нить исторіи города. Однако мы находимъ этотъ несчастный народъ нѣсколько разъ переходящимъ изъ-подъ власти Мамая къ Тимуръ Булату, во время борьбы между этими властителями Золотой Орды (Сарайскими). Въ качествѣ прибавленія къ списку бѣдствій мы находимъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1365 годомъ, что многочисленна шайка новгородскихъ пиратовъ (укшуйниковъ), разграбивъ предварительно Жукотинъ и многіе другіе болгарскіе города, на берегахъ рѣки Камы, спустились по Волгѣ къ Болгарамъ, которые были взяты ими и разграблены. Къ этому времени можно отнести совершенное уничтоженіе торговли, которую до этого времени Болгары поддерживали съ Сѣверомъ Россіи. Не смотря на повторяющіяся жестокія превратности, Болгары однако чрезъ нѣсколько лѣтъ возстали снова изъ забвенія и развалинъ, до чего довели ихъ набѣги разбойниковъ. Тимуръ Булатъ, ханъ Золотой орды, собралъ сюда свои силы и грабежомъ своихъ сосѣдей старался восстановить утраченный блескъ Болгаръ. Онъ направилъ свой отважный набѣгъ на Нижній Новгородъ, но, будучи разбитъ Русскими вблизи рѣки Пьянной и, стараясь съ малымъ остаткомъ своего отряда спастись, былъ убитъ. Великій князь Нижегородскій, не довольствуясь этой побѣдою, вскорѣ послалъ въ Болгары своего брата во главѣ огромнаго войска. Ханъ Гасанъ, правитель города, устрашившись приближенія врага, поспѣшилъ выйти съ подарками на встрѣчу Русскихъ. Подарки были приняты; городъ былъ оставленъ нетронутымъ и Русскіе, продиктовавъ надежные условія и назначивъ по своему выбору начальника для управлѣнія Болгарами, возвратились въ Нижній.

Немного спустя послѣ этого событія многочисленное войско, составленное изъ новгородскихъ пиратовъ (укшуйниковъ), еще разъ явилось подъ стѣнами Болгаръ и угрожало предать городъ огню; только благодаря уплатѣ трехъ тысячъ фунтовъ серебра Болгары освободили свою столицу отъ грозившаго раззоренія.

Около того-же времени Мамай, сдѣлавшійся царствующимъ ханомъ Золотой Орды и основавшій свою резиденцію въ Болгарахъ,

не довольный производимымъ имъ грабежомъ въ южныхъ областяхъ, направилъ свои татарскія шайки на Тверскую и Нижегородскую области. Великій князь Нижегородскій Дмитрій Константиновичъ, чтобы прекратить эти часто-повторяющіеся случаи жестокости, скоро направился противъ города Болгаръ. Это произошло въ 1375 году. При приближеніи Русскихъ Болгары встрѣтили ихъ громадной тучей стрѣль и съ помощью орудія, поставленного на верху укрѣплений, пускали въ своихъ непріятелей массу камней и другихъ метательныхъ снарядовъ ¹⁾). Русскіе, совершенно незнакомые съ употребленіемъ этихъ страшныхъ орудій, были сначала ошеломлены такимъ нападеніемъ, но вскорѣ, собравшись съ духомъ, съ новою силою двинулись къ стѣнамъ города. Тогда на встрѣчу имъ Болгары выпустили большое количество одногорбыхъ верблюдовъ, которые причинили страшное смятеніе среди русской конницы, лошади которой, испугавшись вида этихъ животныхъ, бѣженно поднимались на дыбы и отказывались повиноваться своимъ всадникамъ. Не смотря однако на всѣ препятствія, Русскіе успѣли овладѣть Болгарами. Начальники народа принуждены были купить себѣ свободу платою тяжелаго выкупа, по полученіи котораго Русскіе возвратились въ отчество.

XIII. Гибель Болгаръ.

Русскія лѣтописи послѣ изложеннаго событія мало упоминаютъ о Болгарахъ. Владычество, которое пріобрѣли Татары надъ Русскими областями, такъ-же какъ и ихъ постоянные набѣги, главною цѣлью которыхъ были грабежъ и хищеніе, хорошо известны; послѣдніе прекратились лишь послѣ большой побѣды, одержанной въ 1380 году на берегахъ рѣки Дона великимъ княземъ Дмитріемъ, прозваннымъ Донскимъ. Мамай, разбитый Русскими, не имѣлъ времени собрать свои разсѣявшіяся полчища, прежде чѣмъ былъ атакованъ Тохтамышемъ; разбитый вторично послѣднимъ онъ бѣжалъ въ Каффу, гдѣ встрѣтилъ насильтвенную смерть. Жена его и богатство попали въ руки Тохтамыша, который въ 1381 году послалъ къ Болгарамъ пословъ провозгласить свое господство надъ этой націей. Это—послѣдній фактъ, который относится къ Болгарамъ и о которомъ упоминаютъ русскія лѣтописи. Татарскія хроники представляютъ тамъ и сямъ мало разсѣянныхъ свидѣтельствъ относи-

¹⁾) «Древній лѣтописецъ» говоритъ, что 1376 г. (6884) зимою «на Болгары, рекше на Казань» ходилъ не самъ «Князь великий Дмитрій Константиновичъ Сузальскій», а дѣти его Василій и Иванъ, и далѣе, что отражали Русскихъ не Болгары, а казанцы. Прим. ред.

тельно судьбы этого народа, исторія котораго должна быть такъ интересна, что мы можемъ заключать изъ немногаго, что записано о послѣдовательномъ прохожденіи ею всѣхъ видовъ человѣческой славы и уничиженія; упадокъ и раззореніе Болгаръ, какъ это случалось со всѣми другими народами древности, произошли въ тотъ periodъ, когда пороки и распущенность деспотически воцарялись среди ихъ обитателей. Дѣйствительно, развратъ и испорченность, кажется, достигли такой степени, что татарскія хроники замѣчаютъ, что разрушение этого города Тамерланомъ считалось обычно спра-ведливымъ наказаніемъ Вышняго¹⁾.

Этотъ извѣстный завоеватель, котораго татары называютъ Аксакомъ Тимуромъ, появился около четырнадцатаго вѣка. Послѣ многихъ лѣтъ безпрерывной борьбы съ Тохтамышемъ, послѣдній былъ окончательно разбитъ и принужденъ искать безопасности въ бѣгствѣ. Всѣ татарскія хроники согласны въ утвержденіи, что это произошло послѣ осады и взятія Константиноополя, когда Тамерланъ направилъ свой путь на сѣверъ и съ многочисленнымъ войскомъ появился подъ стѣнами Болгаръ. Способъ, которымъ Болгары защищали свой родной городъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ храбрости и героизмѣ. Осада продолжалась семь лѣтъ; однако нужда и болѣзни уменьшили число и мужество жителей, и городъ, наконецъ, былъ взятъ приступомъ. Болгары, говорятъ татарскія хроники, попали въ руки завоевателей въ пятницу (магометанская суббота), въ молитвенный часъ. Въ это время въ городѣ считалось 10024 большихъ домовъ. Большая часть жителей, говорятъ, была умерщвлена и весь городъ былъ превращенъ въ развалины. Царствующій ханъ Абдуллахъ былъ убитъ по распоряженію одного изъ вождей Тамерлана; однако два сына его²⁾ нашли средства бѣжать изъ города и скрылись въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Послѣ разрушенія Болгаръ Тамерланъ направился къ другому Болгарскому городу значительной важности—Билярску. Обитатели послѣдняго сохранили свою жизнь, открывъ предъ завоевателемъ ворота. Однако городъ раздѣлилъ участъ Болгаръ и былъ превращенъ въ груду пепла. Опустошивъ всю страну и предавъ смерти 124 чел. князей покоренныхъ народностей, Тамерланъ направился къ югу; и здѣсь мы теряемъ послѣдній слѣдъ исторіи этого народа, о послѣдующей судьбѣ котораго не дѣлается ни малѣйшаго упоми-

¹⁾ Выше было замѣчено, что Болгары разрушилъ не Тамерланъ (жилъ въ 1337—1405), а Золотоордынецъ Булатъ Тимуръ. Прим. ред.

²⁾ Татары называютъ ихъ علی بیک و النون بیک Али-бекъ и Алтынъ-бекъ и приписываютъ имъ зарожденіе Казанскаго царства. Прим. ред.

нанія ни въ Русскихъ, ни въ Татарскихъ лѣтописяхъ. Нѣкоторые писатели однако предполагаютъ, что окончательное и совершенное истребленіе этого народа случилось значительно позже нашествія Тамерлана и что разрушеніе Золотой Орды съ необходимостью причинило то-же и Болгарамъ, хотя они думаютъ, что разрушеніе ихъ произошло постепенно и значительно послѣ начала господства Татаръ въ Казани. Другіе думаютъ, что эта нація прекратила свое существованіе въ то время, когда страна, которую она владѣла, была наводнена кочевыми ордами Калмыковъ, но подобные мнѣнія основываются только на предположеніи,—исторического свидѣтельства, подтверждающаго ихъ, нѣтъ.

Четыре вѣка протекли съ тѣхъ поръ, какъ эта, прежде цвѣтущая и грозная врагамъ, нація прекратила свое существованіе. Войны, веденные съ русскими, число основанныхъ городовъ, которые всѣ исчезли, какъ и ихъ столица, колоніи основанные, безъ всякаго ущерба для себя, на берегахъ Дуная—всѣ эти факты представляютъ очевидныя доказательства ея могущества, богатства и предпріимчивости характера. Одна изъ колоній, о которыхъ мы упомянули, именно Болгарія, остается до сихъ поръ и представляетъ одну изъ областей Турецкой имперіи ¹⁾). Это произошло прежде или около Рождества Христова, когда часть Болгарскаго народа перешла на Дунай и поселилась въ той странѣ, которую занимаетъ и въ настоящее время ²⁾).

Э. Турнерелли.

¹⁾ Оригиналъ вышелъ въ свѣтъ задолго до освобожденія Болгаріи изъ-подъ Турецкаго ига. Прим. перев.

²⁾ Перевель Иванъ Андреевичъ Ардашевъ, студентъ Казанской Духовной Академіи, а переводъ читалъ и свѣрялъ съ подлинникомъ профессоръ Казанской Духовной Академіи Александръ Никол. Потѣхинъ.